

Аля Карамель ГОЭН

Аля Карамель

Гоэн

«Издательские решения»

Аля Карамель

Гоэн / Аля Карамель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517043-9

Это история переплетения судеб двух женщин, это рассказ о дружбе, верности, самопожертвовании и надежде. Действие книги происходит в Новосибирске, Москве, Торонто, Сент-Джозефе и Нью-Йорке и захватывает конец прошлого и начало нынешнего столетия. «Гоэн» — откровенный роман о поколении, родившемся в 1970-80-х годах.

ISBN 978-5-00-517043-9

© Аля Карамель
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
I	7
II	10
III	12
IV	14
V	16
VI	18
VII	21
VIII	27
IX	31
X	34
XI	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гоэн

Аля Карамель

Все персонажи и юридические лица являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно и непреднамеренно.

*Редактор Надежда Ворониченко
Дизайнер обложки Татьяна Вавилова*

© Аля Карамель, 2020
© Татьяна Вавилова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-7043-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
#

Гоэн, (го – префикс вежливости, эн – сам иероглиф).

1) В японском буддизме – хорошая, благоприятная связь с человеком, предметом или явлением, основанная на чистых намерениях. 2) Слово омонимично «5 йенам», так что считается, что если в коробочки для подношений в буддийских и синтоистских храмах бросить 5 йен, то будет обеспечена хорошая связь, которая приведёт к нужным последствиям.

Ольге Дунаевой

В моей жизни ты занимала немалое место, а в моей душе есть уголок,
куда никто, кроме тебя, не мог заглянуть.

То, что мы были сметены за сотню лет
до нашего появления, это не повод,
чтобы даже не попробовать выиграть.

Харпер Ли, «Убить пересмешника»

Неважно, что надой записанный
Реальному надою не ровня
Всё, что записано – на небесах записано
И если сбудется не через два-три дня
То всё равно когда там сбудется
И в высшем смысле уж сбылось
А в низшем смысле все забудется
Да и почти уж забылось.

Дмитрий Александрович Пригов

Пролог

Что ж ты нигде не живёшь?

Все без тебя происходит...

Юрий Визбор

...Она стояла у края могилы и машинально бросала комья рыжей земли из приготовленного ведёрка на крышку металлического гроба. Осмыслить до конца факт своего присутствия здесь, на русском православном кладбище, которое и по другую сторону Атлантики выглядело точно так же, как и любое кладбище в России, не получалось. Те же лесопосадки, отделяющие одно поле от другого, те же вороны, покачивающиеся на гибких ветках, те же дятлы, нарушающие звенящую тишину. Та же вода, стоящая в размытых колеях, та же размокшая земля, нещадно пачкающая кромки дорожных штанов и досаждающая элегантным седым мужчинам со скорбными озабоченными лицами. Это представители похоронной компании, которые разыграли как по нотам этот тяжёлый для вдовца день.

Сначала – прощание с телом в зале похоронной компании, на которое пришло... пятьдесят, семьдесят человек? Она не считала. Потом – поездка на пустынное кладбище, где в маленькой тёмной часовенке молодой батюшка с такими голубыми глазами, как будто голова изнутри выстелена майским небом, долго пел «Со святыми упокой». Вокруг гроба стояло человек двенадцать-пятнадцать: родственники, друзья и соседи, в основном, русскоязычные. Они держали свечи, продетые через отверстия в центре бумажных тарелок. Эти тарелки, на которые капал воск, раздали суетливые бабушки, которые обитают, наверное, во всех церквях и погостах. Они берут на себя хлопоты, которые отвлекали бы батюшек от их богоугодных дел. Гости держали свечи снизу, под тарелками, из-за чего были похожи на фехтовальщиков, готовых сражаться... за что? Или за кого? Свою битву за жизнь *новопреставленная* проиграла, а у неё-то отваги и мужества было, пожалуй, поболее, чем у тех, кто провожал её в последний путь.

Когда каждый человек из группки бросил в могилу горсть земли, подъехал маленький экскаватор и ловко закидал яму, образовав аккуратный холмик. Интересно, подумала она, в России тоже сейчас используют экскаваторы? Не быстрее ли лопатой перекидать, чем маневрировать между могилами? Похороны состоялись. Аккуратно обходя канавы с водой, люди двинулись по дорожке прочь от могилы, на парковку, к машинам. Глядя в спину удаляющимся незнакомцам, она почувствовала приступ паники. Они что, уходят, оставляя подругу здесь, в земле? Здесь прохладно, и декабрьское солнце хоть и светит ярко, но висит уже низко, и скоро наступят сумерки. Мы же не можем уйти, бросив её здесь, она же... замёрзнет. На ней лишь лёгкое платьице! Ей хотелось догнать уходящих и заглянуть им в глаза. Она попыталась увидеть на их лицах ответ на вопрос: это что, всё? Но на краешке сознания уже саднила горькая мысль: она только что похоронила подругу.

Часть первая

I

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.*

А. С. Пушкин

*Из земли мы вышли, и тянет она нас сквозь асфальт, бетон
и годы.*

Борис Васильев, «Суд да дело»

Самые светлые воспоминания детства Тани Будаевой были связаны с деревенским домом, куда её с мамой пускали на лето дальние родственники. В обмен на «отдых на даче» мама должна была ухаживать за тётей Ниной, нестарой, но хрупкой здоровьем хозяйкой, проживающей в том же доме с мая по октябрь. Собственно, никакого ухода за Ниной не требовалось. Маме надлежало обустроить быт во всех его деревенских проявлениях. Сколько воды в дом занесёшь, столько и вынесёшь. Если хочешь помыться и постирать, топишь баню, носишь воду. Для полоскания белья следовало идти на пруд. В первый раз городская Таня пыталась полоскать бельё... прямо в пруду, как она видела в фильмах и на картинах в учебнике. Романтические представления девочки о деревенском быте были развеяны появившейся неизвестно откуда соседкой с палкой в руке. Она пасла овец (тогда ещё в деревне держали овец!) неподолёку и прибежала, чтобы объяснить незадачливой «дачнице», что воду из пруда надо зачерпывать ведром, переливать в таз, и уже в тазу полоскать. Грязную воду выливали тут же, в бурьян, в сторонку от пруда. Жители деревни использовали прудовую воду для мытья посуды, уборки, бани, стирки, ей поили скотину и собак, и потому содержали водоём в чистоте.

А ещё в пруду водились карасики величиной с мужскую ладонь... В обязанности мамы входило кормление кошек этими карасиками, пойманными в вершу¹, а ещё поддержание в ухоженном состоянии сада и огорода. Но хуже всего у мамы получалось быть компаньонкой Нине в просмотре дважды – вечером и повтор утром – каждой серии бразильского или мексиканского сериала, которые показывали по двум имеющимся телеканалам. В первый раз Нина смотрела серию для понимания происходящего, а второй – чтобы поплакать над судьбами героев. Просмотр этих бессмысленных телеисторий без какого-либо внятного развития сюжета давался маме с трудом, но это была единственная просьба Нины, и мама не могла ей отказать.

Позже Таня осознала, как тяжело было маме каждое лето впахивать в деревне, вставать с петухами и ложиться за полночь, дождавшись, когда наговорится с ней и отправится спать неуёмная Нина. Но год за годом мама соглашалась «отдохнуть на даче» только ради того, чтобы на лето увезти дочь из Новосибирска. Ни на санаторий, ни даже на лагерь денег не было, да и не отпустила бы она свою доченьку одну ни в какой лагерь. А совместная поездка у них была лишь единожды, когда отец купил билеты на поезд до моря, до Анапы – в 1986 году...

А что же Таня? Ещё будучи малышкой, она полюбила эту деревню, затерянную в необыкновенных, диких местах, и наслаждалась уединением и свободой. На ближайшие десять лет

---

¹ Верша – вид рыболовной снасти из ивовых прутьев. Имеет вид каркасной конструкции, сходящийся на конус, чтобы рыба, заплыв, не могла развернуться. Может быть использована для ловли рыбы в экстремальных условиях, когда никаких других снастей под руками нет (*Википедия*).

это удивительное по внутренней гармонии и чистой энергетике пространство станет местом её летнего отдыха и убежищем от житейских бурь.

Она приезжала в деревенский домик каждое лето, всеми силами приближая пятницу последней перед каникулами учебной недели. В десятке домов крайней, непроездной деревни доживали свой век пожилые селяне, чьи дети уехали учиться да так и осели в райцентре, Новосибирске, Питере и Москве. Примерно половину домов занимали дачники, такие, как Татьяна с мамой, приезжающие только в самое благодатное время года – летом. Таня не пыталась тогда разгадать загадку этого места, понять, почему ей так хорошо здесь, казалось бы, вдали от городских удобств, от общения с друзьями, от всего, к чему она привыкла и чем жила весь год. Здесь журчал родник с чистой и леденящей водой, шумели леса с россыпями земляники и черники, грибами. Чуть в глубине леса стоял дикий малинник с душистыми, чуть завялыми ягодами. А главное, что влекло сюда, в эту деревню – это воздух, густой от аромата свежескошенных трав, парного молока и дыма, струящегося из трубы русской бани. Он был совершенно необыкновенным, и организму городского жителя требовалась порой пара дней, чтобы привыкнуть к такому содержанию кислорода. Таня удивлялась: поначалу ходишь сонный и ленивый, а потому, через пару недель, наступает окончательное расслабление – когда полностью забываешь о городской жизни, когда ловишь себя на том, что не знаешь и не хочешь знать не только который сейчас час, но и какое сегодня число. Зачем время? Хочешь есть – ешь, хочешь спать – спи, живи в гармонии с собственным организмом, с природой. А какой день, узнаешь, когда громкие сигналы клаксона потревожат сонную сельскую тишь – приехала автолавка, значит, сегодня суббота, пора топить баню и резать веники...

Девочка любила каждую минуту деревенского летнего дня. Она просыпалась под мерное звяканье ложки о края алюминиевой кастрюльки: на кухне, отделённой от единственной комнаты тонкой перегородкой, мама помешивала кашу на плите. Она засыпала под разговоры мамы и тёти Нины, под тоскливый писк несытых комаров, ощущая, как гудят набегавшиеся по некошеной траве ноги. Удивительное дело: с годами и селяне стали относиться к дачникам как к хозяйкам дома, а не как к бедным родственницам, кем они на самом деле являлись. Да и сама Таня привыкла так думать. Почтальон передавал с пастухами письма и телеграммы «в дом Будаевых», чтобы не ездить на велосипеде самому. Так и стали его называть – дом Будаевых.

В девяносто седьмом умерла соседка справа, старенькая дачница Антонина. Умерла она в городе, вдали от соседских глаз. Об этом Будаевы узнали от её родственников, живущих в соседнем селе, когда те вдруг явились, увезли газовые баллоны и законсервировали на зиму её дачное хозяйство. А весной девяносто восьмого дочь Антонины объявила, что продаёт дом матери вместе со всеми тридцатью сотками земли, фруктовым садом, ягодными кустами, прудом – короче, всем, что есть на участке. На майские праздники в доме появился новый хозяин Аркадий – «челнок», разбогатевший на перевозке одежды из Турции – и с энтузиазмом взялся обустривать и своё хозяйство, и деревню в целом. Он пробурил скважину и установил колонку прямо в деревне, провел телефонную линию, повесил спутниковые «тарелки»: зимой селянам было нечем заняться, и десятки телеканалов на выбор – это спасение от скуки.

Из чувства добрососедства Аркадий отправил свою бригаду на участок Будаевым. Хозяйство преобразилось! Поставили новую баньку, да не из двух традиционных помещений, а из трёх – предбанник, моечная и парилка, с тем, чтобы сохранить пар чистым от мыла и моющих средств. Перебрали фундамент и подняли дом, поменяли крышу, переложили печку и трубу, построили новую террасу, обнесли участок новым забором – всего, что было сделано по дому и по участку Аркадьевой бригадой, и не упомнишь. Здесь, в деревенском доме, уже по-настоящему похожем на дачу, Татьяна с удовольствием проводила всё выдававшееся свободное время. Сюда же убегала «всё обдумать», когда нужно было принять важное решение... Здесь пряталась сама от себя, здесь искала помощи и совета... У каждого человека должен

быть такой уголок, такая «норка», куда можно убежать, затаиться, чтобы собраться с мыслями, отдохнуть душой и телом. Как ни менялась её жизнь, как ни сменялись одни заботы другими, казалось, здесь всё остаётся неизменным...

...Спустя годы она пересматривала деревенские фотографии и радовалась, и благодарила юную себя за то, что сфотографировала всё это: гроздь калины под забором; крапиву у облупившегося ящика с газовыми баллонами, замок от которого насквозь проржавел, а ключ – давно утрачен; осевшую кладку с раскрошившейся белёсой глиной; лопнувшие от спелости вишни, валяющиеся в траве, и ос над ними; рыжие настурции и бордовые флоксы. Такая нежность, такая *полюбленность* льётся из каждого кадра: камень, нагретый на солнце; перевёрнутые вымытые банки на штакетнике; тряпка сюзюлёвого цвета, некогда бывшая маминой юбкой, держась за которую Таня училась ходить; алюминиевый ковшик в двадцатилитровом молочном бидоне с родниковой водой; *колобашка* для воды, у которой нерадивый соседский работник Ванька оторвал ручку при поднятии канистры из родника, в чём не признаётся. Вот они, старухи – баба Валя, баба Надя, баба Маруся – нарядные, плоть от плоти этой земли и ещё не лёгшие в эту же землю. Вот коровы – все одной масти, тёмно-коричневые, почти чёрные, с белыми мордами. Вот просто дорожная пыль, не прибитая грибным дождём только потому, что её укрыли лопухи размером с человеческий рост. Если бы Таня стала писательницей или художницей, она бы запечатлела всё это – и дождь, и пыль, и лопухи – в каком-нибудь бессмертном произведении. А пока она бережно хранила их – нет, даже не в памяти, а на уровне ощущений – в своём сердце.

II

Милое, дорогое, незабвенное детство! Отчего оно, это навеки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется светлее, праздничнее и богаче, чем было на самом деле?

А.П. Чехов

Отсидев полтора часа в очереди к педиатру за справкой для детского сада, мама пятилетней Леры торопилась покинуть поликлинику. Обдумывая, получится ли заскочить за продуктами до наступления обеда в магазине, она волокла дочку за руку по больничному коридору и рассеянно отвечала на её вопросы. Мимо девочки проплывали таблички на кабинетах: ЛОР, окулист, не-вро-па-то-лог, главврач, регистратура... Юрист?

– Мам, а кто такой юрист? Он что лечит?

Мама, в очередной раз выдернутая вопросом из воображаемого магазина, как могла, объяснила дочери, кто такой юрист.

– О! Я буду юристом! – безапелляционно заявила малышка.

Этот в определённом смысле исторический визит к детскому врачу не оставил никакого следа ни в памяти Леры, ни её задёргнутой мамы.

Семья Максимовых, как было принято в их круге общения, старой московской интеллигенции, состояла только из инженеров: дедушка, мама, папа, оба Валериных брата – старший и даже младший, который получил образование уже после распада Советского Союза. Последние трое были ещё и кандидатами наук. Распространённый в среде технической интеллигенции снобизм, предписывающий считать достойными специалистами лишь физиков, химиков, математиков и инженеров, в семье Леры не ощущался. Ей прочили карьеру врача, но недолго: от анализа крови из пальца у Леры кружилась голова, а когда брали кровь из вены, девочка теряла сознание.

Комбинация природных качеств Валерии позволила бы ей преуспеть во множестве профессий. Здесь был и пытливый ум, и способность видеть «картинку» целиком, отмечая несоответствие ей мелких, но важных деталей, и великолепная память, и то, что позже назовут эмоциональным интеллектом. Лера была от природы эмпатична и бережно относилась к людям. Её шестым чувством было чувство социальной справедливости.

Случайно брошенная фраза пятилетней девочки оказалась пророческой. Валерия сама приняла решение поступать в юридический, и в семье её горячо поддержали, всецело одобрив выбор профессии. Для подготовки к вступительному экзамену по истории родители наняли репетитора – по пять рублей за академический час. В назначенный день Лера приехала на занятия в просторную «трёшку» в Южном Измайлове. Её встретила тургеневская барышня с прямыми волосами, негромким голосом, кутавшаяся в длинную шаль: по Лериным детским понятиям, именно так должна была выглядеть аспирантка исторического факультета МГУ – будущая жена дипломата или кого там ещё. Барышня просила называть её Ирина Витальевна; сама же обращалась к ученицам на «вы»... Пахнуло желанным студенчеством...

С первой минуты встречи лицо Ирины Витальевны показалось Лере смутно знакомым... Проявившись до конца занятия и перебрав все возможные варианты, Лера спросила напрямик:

– Ирина Витальевна, а вы не ездили в пионерлагерь вожатой?

– Я?! Вожатой? – вспыхнула Ирина Витальевна, словно это предположение оскорбило её. – Ну, если только в пионерлагерь от МГУ...

В пионерлагерь от МГУ не ездила уже Лера, поэтому она решила, что просто попутала что-то...

А когда в следующий раз Ирина Витальевна провожала до двери Леру и ещё четырёх учениц, она вдруг обернулась и произнесла: «Знаете, Валерия, я вас вспомнила!»

* * *

...Лере было лет десять или двенадцать, когда она впервые поехала в пионерлагерь. Родители привезли дочь на машине; к тому времени смена уже заехала, пообедала и отправилась на тихий час. В Лерином отряде было двое вожатых: Лена и Ира. Боевая Лена была постарше Иры и заправляла всеми делами отряда. Дети слушались, но больше уважали, чем боялись. Ира же напротив, была тихой и романтической. Лере запомнилось, как по вечерам вместо традиционной сказки либо страшной истории она пела девочкам под гитару дивные песни. Девочки боялись шелохнуться – такая была тишина...

В первый раз оказавшись без родителей столь надолго, Лера чуть ли не через день строила им письма. Бесхитростный ребёнок, она писала обо всём на свете, делилась впечатлениями и мыслями, пересказывала анекдоты и даже частушки. Видимо, и родители скучали по дочке, потому что в день окончания смены с самого утра приехали в лагерь и забрали ее.

И тут...

– Валерия, вы не могли этого знать, но в том лагере была цензура детских писем. Да-да! Всё зачитывалось на собрании вожатых в присутствии начальника лагеря. Я помню, что читала на одном из таких собраний ваше, Валерия, письмо. Именно после этого случая мы, новенькие вожатые, заявили свой протест и отказались передавать письма детей из наших отрядов. Мы твёрдо заявили, что о цензуре надо предупреждать, а не просто тайком читать послания ничего не подозревающих детей. В том письме вы писали родителям о порядке, существующем в лагере, когда по приезду часть гостинцев дети сдавали в «общий котёл», а вожатые потом раздавали их в отряде во время прогулок в лес, походов и прочих общих мероприятий. А вы заехали позже, поэтому гостинцы не сдавали, и по-хитрому ели и свои, и чужие. Вы написали об этом только родителям, а узнал весь лагерь, – Ирина Витальевна смеялась, рассчитывая позабавить и Леру.

...Всё тайное становится явным. И это явное настигло Валерию спустя годы. А она-то рассчитывала оказаться «самой умной». Какой стыд! К счастью, все отнеслись к этому эпизоду с юмором, и радость от встречи с Ирой-вожатой заслонила неловкость от её рассказа. И Лере было приятно, что она первая узнала Иру: ещё бы, её почти не изменили эти пять лет.

Благополучно сдав экзамен, Лера в тот же день помчалась к Ирине Витальевне с благодарностями и букетом. В ответ та подарила книжку китайской поэзии «Трудны сычуаньские тропы» с дарственной надписью: «Такой-то, превратившейся из пионерки в студентку» и пр. Прощаясь, Лера задала традиционный в таких случаях вопрос: «Могу ли я рекомендовать вас своим знакомым?» Ирина Витальевна ответила, что выходит замуж и уезжает из Южного Измайлова, поэтому, наверное, нет.

Больше они не виделись. Не зная ни девичьей фамилии Ирины Витальевны, ни брачной, как было её искать? Да и зачем... Лера не была подвержена «синдрому одноклассников». Она была уверена, что если судьбе будет угодно, она сведёт их и в третий раз. Или не сведёт. В любом случае, не стоит ей мешать.

III

*Круг дозволенности начал терять точные границы,
он размывается, и каждый вот-вот примется
устанавливать его сам для себя.*

Борис Васильев, «Суд да дело»

Танин папа, как большинство советских мужчин сороковых – пятидесятих годов рождения, не знал, как быть отцом, его никто этому не учил. У него перед глазами не было примера хорошего родителя и семьянина. Те, кто мог бы его показать, – деды, – были исторически далеко, через пропасть революции и Первой мировой. А отцы... Что могли показать отцы? Свою спину – уходящую на фронт либо уводимую в лагеря? Да, кто-то вернулся живым с фронта и из лагерей. Но что могли дать они, травмированные навсегда, своим сыновьям?

Советская система ожидала от мужчин непрерывающейся борьбы: на фронте, за урожай, за пятилетний план и стройки века. Подтверждение своей мужской значимости отцы получали у других мужчин: начальников, партработников, коллег. Семья выпала из этого пазла, и ценность мужчины перестала определяться через семью. Было неважно, какой ты семьянин, если ты даёшь стране угля и перевыполняешь *план по валу*².

Мужчины существовали на обочине, на периферии семьи. Они жили в ней, но только физически, и не были включены в её цельную систему. Они не знали, как общаться с детьми, как их воспитывать и учить, как получать и отдавать, как развивать и стимулировать. Те немногие, кто стремился наравне с жёнами участвовать в жизни детей, в лучшем случае оказывались на положении подростка, присматривающего за чужими малышами и полностью зависящего от указаний мамы и бабушки. «Не разгуливай, я его потом не уложу!» «Не играй в подвижные игры, он только поел! И вообще, куда ты пошёл, не видишь, я пол помыла!» Женщины, подхватившие выпавшую из рук дедов роль главы семейства, просто не знали, куда приспособить внезапно свалившуюся помощь второго родителя. Их устраивало номинальное присутствие мужа в жизни детей, и они не привыкли – не от хорошей жизни, конечно же! – согласовывать с мужьями воспитание детей.

В таких условиях внимание мужчин перемещалось туда, где были ролевые модели шестидесятых – семидесятых, вечно молодые представители героических профессий, не обременённые семьёй: космонавты, лётчики, полярники, подводники, строители... Те, чья профессия не была ни романтической, ни героической, двинулись в походы, организовали КСП с песнями про солнышко лесное. В худшем сценарии вектор мужского внимания был направлен на потребление алкоголя в компании таких же неприкаянных, потерянных мужиков под предлогом просмотра футбола, ремонта машины и тусовки в гаражах. С годами они из юности перемещались сразу в старость, так и не повзрослев и не став родителями своим детям.

Ровно таким продуктом своего времени и был Танин отец. Наверное, он старался, делал, что мог. Но одно можно сказать точно: в её жизни он не участвовал настолько, насколько участвовала мама. Взрослея, Таня начала убеждать себя, что это неприсутствие, невнимательность, безразличие и раздражение по отношению к дочери и её каждодневной жизни, интересам и увлечениям, должно быть, скомпенсируется, когда Тане понадобится настоящая помощь и защита. Ей казалось, что папа – это кто-то вроде героя-богатыря, который сидит на печи тридцать три года, но когда придёт время, он встанет в полный рост и всем покажет! И такой случай представился.

---

² План – по валу, вал – по плану! (Лозунг советских времён).

* * *

В седьмой класс Таня пошла в школу, которую отстроили неподалёку, за парком. Таня полюбила свою новую школу: современное квадратное здание с просторным внутренним двором для линейек и прочих торжественных мероприятий, с большими окнами и светлыми *рекреациями*. Ей нравились молодые учителя, которые оказались её соседями: они получили квартиры в новой семнадцатизэтажке в форме подковы и ходили на работу пешком. А вот с одноклассниками, а точнее, с одноклассницами, у неё не заладилось.

В её классе училась Лиза, переехавшая вместе с родителями – партийными «шишками» – в трёхкомнатную квартиру в «подкове». Поначалу девочки приятельствовали, и как-то раз после школы Таня побывала у Лизы в гостях. Девочка словно попала в кино: светлые коридоры и зеркала от пола до потолка, двери-купе в спальни и распашные двойные – в зал, кухня, напичканная бытовой техникой, назначение которой Тане было неизвестно. Её радушно приняли и вкусно накормили, но она чувствовала себя скованно. Казалось, будто она – дикарка во дворце, и дырка на носке не придавала ей уверенности. Собираясь в то утро в школу, Таня не предполагала, что окажется в гостях, поэтому надела носки не глядя. После обеда Таня помыла за собой тарелку, используя... шампунь для посуды. Таня и не знала, что такие бывают! Дома посуду мыли просто водой, иногда с содой. Дружба с Лизой определённо расширяла Танин кругозор.

Девочки-подростки, пользующиеся популярностью у ровесников, нередко становятся взбалмошными и непредсказуемыми. Пока они не научаются обращаться со своей харизмой, она напоминает в их руках оглоблю: куда ни повернёшься, обязательно кого-нибудь заденешь. Никто уже не вспомнит, почему Лиза вдруг стала враждебной по отношению к бывшей подруге. Она настроила против неё свою «свиту», трёх других девчонок из класса, и Таня стала объектом травли. То стащат сменку из раздевалки и раскидают сапоги по разным этажам школы, то отрежут пуговицы у пальто, то испачкают мелом школьный пиджак со спины. Эти мелкие пакости делались не Лизой, а теми, кто хотел заслужить Лизино расположение.

Сама Лиза действовала в открытую и никого не боялась – ни взрослых, ни детей. Как-то раз Таня шла из школы через парк, и её подкараулили девчонки во главе с Лизой. Слово за слово, случилась потасовка: Тане разбили нос, оторвали карман школьного пиджака, а учебники и тетради бросили в ручей...

У входа в подъезд Таня столкнулась с мамой. Увидев дочь в крови и слезах, с растрёпанными волосами и в разорванной одежде, мама ахнула: кто? Ответ не требовался: во двор влетела группка взбудораженных девчонок во главе с Лизой. Дальнейшее происходило, как в кино: в долю секунды мама метнулась через двор и оттаскала Лизу за волосы.

Ох, лучше бы она этого не делала! Избиение Тани не видел никто, а нападение на Лизу видел весь двор. Тане говорили: твоя мама избилась ребёнка, ей грозит срок. Умом Таня понимала, что таков закон. Но то, что произошло, не вписывалось в рамки этого закона! Не должна мама отвечать! Всё это было как-то неправильно.

В доме появился вертлявый молодой человек с бегающими глазками – адвокат районной юридической консультации, который предлагал свои услуги, а именно, *занести*. Мама, милая добрая тихая мама продала бабушкины украшения, дедову фотокамеру «Смена», телевизор «Шилялис», магнитолау «Электроника» и даже фен, обнулила сберкнижку и отдала деньги адвокату.

Лизины родители забрали заявление.

...А что папа? Ах, папа! А папа – ничего.

IV

Во время летних каникул между окончанием школы и поступлением в институт Лера написала письмо Владимиру Белкину, знатоку элитарного клуба «Что? Где? Когда?» Будучи горячей поклонницей популярной телевикторины, она угадывала один-два вопроса каждую игру, причём раньше игроков. Когда Владимир Ворошилов, телеведущий, объявил с экрана о наборе всех желающих в новые команды, Лера решилась.

Шёл девяносто первый год, и телепрограмма советского формата трансформировалась в – ни много, ни мало! – в «интеллектуальное казино, где каждый может заработать деньги своим собственным умом» и переместилась в прямой эфир. Играть в интеллектуальном казино в качестве знатока было правом заслуженных участников телевизионной игры, а новички на телеэкране участвовали в спортивной версии «ЧГК» – «Брейн-ринге».

Владимиру Белкину, координатору новых игроков, было, по-видимому, некогда обрабатывать письма-заявки желающих разделить этот интеллектуально-денежный пирог. Чтобы перепоручить эти хлопоты кому-то ещё, Владимир набрал первый попавшийся телефонный номер из письма.

Лерин номер.

Августовским вечером в доме Максимовых раздался телефонный звонок. Лера почувствовала, как сама судьба, по выражению известной писательницы, берёт её своей тысячапалой горстью. Владимир немного колебался, выбирая команду для Леры. Поскольку она уже закончила школу, в юношеской играть уже было поздно, а для «взрослой» она не подходила – несовершеннолетняя... В итоге, Белкин продиктовал Лере десяток телефонов и имён, попросил связаться с ними и организовать команду. Пакет с регистрационными бумагами Клуба и описанием отборочного процесса придёт обычной почтой на адрес Леры. С этими словами он отключился.

И понеслось.

Вокруг Леры образовалась команда, в которой, кроме неё и студентки второго курса филфака МГУ Екатерины, все знатоки были мужчинами около сорока лет, взрослые, прямо скажем, дяденьки. Команда вошла в московский клуб «Афина», в котором на тот момент уже было больше двадцати команд.

Это было прекрасное, безвозвратно ушедшее время: тренировки под руководством самого Владимира Молчанова³ в квартире у одного из игроков в доме на Садово-Черногрязской, известном каждому москвичу по приметному книжному магазину; телефонные отборочные туры; уютные московские чемпионаты; фестиваль «Что? Где? Когда?» в славном городе Днепропетровске; наконец, съёмки передачи «Брейн-ринг» в Останкино – десять программ за четыре дня, по две в будние дни и по три в выходные...

Последние она помнила особенно отчётливо – на один из этих четырёх дней пришёлся её восемнадцатый день рождения... В этом возрасте многие друзья-ровесники находились в тревожном, одиноком поиске себя; и Лера не была исключением. Но здесь, в клубе, она была среди единомышленников. «Это моё племя, я с ними одной крови!» – думала она о своих товарищах по игре. Те два года, которые связывали её с командой под руководством Вадима Калачёва, те семьсот тридцать дней, что она провела в чудесном калейдоскопе, имя которому Игра, стали ярким воспоминанием, драгоценной жемчужиной, которую Лера хранила всю жизнь. Когда на третьем курсе института Валерия по семейным обстоятельствам покинула команду, она продолжала «болеть» за ребят по телевизору. Было отрадно, что их команда «Китай-город»

---

³ Владимир Константинович Молчанов (род. 18 января 1961) – игрок «Что? Где? Когда?», двукратный обладатель приза «Хрустальная сова», вручаемого лучшему игроку (*Википедия*).

выбралась в высшую лигу, хотя состав слегка поменялся и пришли люди, с которыми Лера не была знакома...

* * *

Спустя годы Валерия наткнулась на профиль в соцсетях одного из своих товарищей по команде, списалась с ним. Повспоминали турниры, поездки, фестиваль «Рубиновые звёзды», организованный, как следует из названия, Александром Рубиным⁴. Повеселились, придумывая, как бы мог называться фестиваль в честь каждого из членов той команды. В своём профиле новообретённый Лерин товарищ воссоздал историю команды, восстановил хронологию событий и совместных лет, и последующих, что прошли уже без Леры. Многие участники команды давно переехали из России: кто-то делает состояние в Кремниевой долине, кто-то наслаждается жизнью в окружении детей и внуков на озере Гарда, кто-то выращивает виноград на Ниагарском полуострове. Неисповедимы пути! Лера была рада этому неожиданному привету из прошлого, и ещё несколько дней пребывала под впечатлением, листая страницы онлайн-дневника своего давнего знакомого.

---

⁴ Александр Аврамович Рубин (род. 9 мая 1961, Днепропетровск) – игрок «Что? Где? Когда?» с 1983 года. Играл в лучшей команде за 30 лет клуба «Что? Где? Когда?» (капитан – Алексей Блинов) (*Википедия*).

V

*А как маму схоронили в шале,
В доме денег – ни гроша, ни бумаги...*
Александр Галич

В жизни случаются такие моменты, когда словно делаешь стоп-кадр и навсегда запечатлеваешь в памяти увиденную картинку. Таня именно так запомнила день, когда мама забирала её из больницы. Прямо в майские праздники, накануне второй университетской сессии, у Тани обострился аппендицит. Хирург, склонившийся над ожидающей наркоза пациенткой, распространял настолько плотные алкогольные пары, что интерн (а может, хирург, просто молодой), ассистирующий на операциях, не выдержал:

– Юрий Михайлович, простите, но вы не можете оперировать! Позвольте мне!

«Интерн» – имени его Таня не запомнила – справился с задачей на удивление хорошо. Вскоре её выписали, и вместе с мамой они поехали домой. Сидели друг напротив друга, трясясь в полупустом дребезжащем трамвае. Мама задремала. Солнечные лучи скользили по её волосам, по безмятежному лицу, по обнажённым плечам, по вздымающейся груди под лёгким платьем, по пыли, висящей в воздухе салона. У Тани захватило дух: она словно видела перед собой картину Боттичелли! Это был последний раз, когда она помнила маму здоровой.

...А потом были обследования, биопсии, рентгены, томографии, бесчисленное количество анализов, очереди, очереди, очереди... Одна больница, другая. Ремиссия, рецидив. У мамы обнаружился тот же вид рака, от которого когда-то сгорела её собственная мать. Агрессивный. Безжалостный. Самым страшным испытанием для Тани была невозможность облегчить маме болевой синдром. Таблетки не помогали, а препараты, содержащие морфин, было сложно, почти невозможно получить. К тому моменту, когда Таня приносила маме спасительную таблетку, нужно было сразу же начинать добывать следующую – обивать пороги, скрестись в двери, звонить, унижаться, заискивать, манипулировать, угрожать, молить, врать...

Таня помнила, что в это страшное время рядом с ней была мамина сестра, тётка Наталья, и двоюродный брат Виталик. Они делили невесёлые хлопоты по уходу за мамой, по организации лечения и по облегчению её состояния. А вот где был папа? Он вроде бы жил дома, уходил утром на работу, а вечером приходил домой. Но ни в больницах, ни в поликлиниках, ни в кабинетах чиновников здравоохранения, распределявших квоты на сильнодействующие обезболивающие препараты, Таня не могла вспомнить отца.

...Когда усталый санитар вынес растерянной Тане оставшиеся от мамы вещи, она рассеянно приняла их и на негнущихся ногах побрела домой. Пропажу крестика на золотой цепочке, который всегда, сколько помнила Таня, был на маминой шее, она обнаружила не сразу. А когда обнаружила, не размышляя ни секунды бросилась обратно в больницу. Влетела в приёмный покой, потребовала вызвать того санитаря. Он вышел к ней: те же усталые глаза, безразличный взгляд. Не видел, говорит.

– Послушайте! – закричала Таня, чувствуя, как мучительно сжимается сердце. – Мама очень тяжело болела и в страшных муках умерла! Не нужен вам чужой крест, поверьте, вы не захотите нести его!

Санитар вздрогнул, словно очнулся, как-то по-новому посмотрел на Татьяну, растерянно замигал, исчез за наполовину выкрашенной белой краской стеклянной дверью и сразу же вернулся. С маминым крестиком в руке.

...А потом Татьяна взяла свой диплом инженера промышленных и гражданских сооружений, попрощалась с тёткой Наташей и братом Виталиком и уехала в Москву. Она точно знала – в Новосибирск она больше не вернётся, разве что погостить.

Десятилетия спустя, разбирая с психологом завалы эмоционального мусора, Таня услышала: фигура отца выдаёт человеку мандат на успех. Ха! Она сама себе его выдала, когда объявила себя круглой сиротой. У неё не стало матери, а отца никогда и не было.

VI

*Вера в неизвестное подобна вере мужу —
иногда другого не остается.
Джованна Фарнезе, персонаж сериала «Борджиа»*

Лихие девяностые тяжёлым катком проехали по семье Максимовых. Отец Петр Валерьевич, сколько помнила Лера, был диссидентом, советскую власть яростно ненавидел, а перестройку активно поддерживал. Экономические реформы девяностых он встретил пятидесятилетним старшим научным сотрудником в НИИ, и его некогда солидная зарплата в четыреста рублей скоро стала откровенно нищенской. Все цены ушли вперед, а доходы, на которые можно было хотя как-то жить, мерялись в тысячах. Несмотря на блестящий ум, кандидатскую степень, свободный английский и редкое трудолюбие, Пётр Валерьевич так и не нашёл места в новой реальности, и неспособность прокормить семью приводила его в отчаяние. Всё чаще он стал доверять своё утешение алкоголю, бесчестному ростовщику, требующему за короткое облегчение непомерную цену, иногда — жизнь...

Спустя много лет, размышляя о том времени и своей роли в последующих событиях, Валерия призналась самой себе, что к созданию своей семьи уже на третьем курсе Академии и раннему уходу из родительского дома её побудила отчаянная в нём обстановка. Ей было невыносимо видеть, как тяжёлые жернова времени перемалывают то, что ей было дорого. Как это изменить, она не знала.

В своей новой семейной жизни Лера была вполне счастлива. С мужем и дочкой Аней они жили в Измайлово, в двух шагах от её и мужниных родителей. Она любила дефилировать по 16-й Парковой с коляской, в моднейшей шубе из опоссума, под шапкой — наушники, в которых «Мираж», и музыка связала, и иногда Таня Буланова. Днём смотрела самые розовощёкие из латиноамериканских сериалов, типа «Моя вторая мама» и «Никто кроме тебя»; иногда одна, иногда — с подружками из числа мамочек со двора. Они приносили на пробу косметику Mary Kay, Herbalife и всё такое прочее, в ярких манящих баночках. Молодые женщины сидели, красились, и Лерин муж Роберт, как завзятый дамский угодник, подавал угощение и напитки, от которых подружки отказывались, ибо кормящие. Иногда приезжали девчонки из юридической академии, привозили то Лерины грамоты и награды за победу в конкурсе курсовых работ, то жутко популярные тогда конфеты «Вишня в коньяке». Приходили обе мамы — провести Леру с доченькой, помочь снять и выстирать шторы, и Лера угощала их чаем с теми самыми конфетами... Лерина жизнь тогда — это череда мгновений, счастливых и очень счастливых. Она не хочет знать ни о чём плохом. Она ходит, не касаясь земли, у неё тысяча причин улыбаться по утрам, и она думает, что так будет всегда. «Мы жили не зная дорог / О будущем не беспокоясь / И был так далёк, так далёк / Метелью окутанный поезд» — поёт в наушниках Таня Буланова, и переполненная гормонами Лера, глотая слёзы, подпевает ей...

А потом пропал без вести отец. К началу девяноста седьмого года он стал настойчивее прикладываться к бутылке. Частенько он оставался на ночь в своём институтском кабинете: то ли потому, что не хотел быть дома, то ли хотел напиться до забытья. Возможно, поэтому, когда отец в очередной раз не пришёл домой, мама не очень разволновалась. Она позвонила сначала Валерии (они обсудили, что ждать нельзя и отца надо кодировать), потом — на работу Петру. И выяснилось, что на работе его не было.

Долгих три недели — три недели! — искали отца среди живых и мёртвых. Мама, муж, мама мужа проверили все больницы и морги — от Мытищ (отец ездил с работы на электричке, и в тот роковой вечер его видели в ней) до Ярославского вокзала. Далее электричка, на которой уехал отец, направлялась в Александров, но туда Максимовы не поехали. Усталый майор,

занимавшийся делом о пропаже без вести, заверил, что там проверены все больницы и морги, и неопознанных обнаружено не было.

* * *

Через три недели бесплодных поисков Валерия впала в отчаяние, наверное, впервые в жизни. Она ждала хоть какой-то знак, хоть какую-то подсказку, хоть какую-то зацепку. Где искать?

И тут она вспомнила о... «белой ведьме».

Ещё до замужества Валерию угораздило побывать на «концерте белой ведьмы». Да-да, именно так. Прочитав это на билетах, врученных ей тогдашним кавалером Алексеем, Лера гомерически расхохоталась. Откуда только повылезали в постперестроечное время все эти ясновидящие, экстрасенсы, гадалки? Почему Кашпировский, Чумак и прочие джуны морочили голову легковверным гражданам, выступая в прайм-тайм по главному телеканалу? Идти на «концерт» очередной мошенницы Лера не собиралась, но Алексей упрямил. Билеты на центральные места в первом ряду достались ему по бартеру, и он не хотел думать, что продешевил при обмене. Лера согласилась пойти на «концерт» с условием, что если ей не понравится, они уйдут.

Концерт проходил в зале гостиницы «Россия» при полном аншлаге: были заняты все две с половиной тысячи мест, и люди даже стояли в проходах. Рядом с Лерой сидела миловидная женщина с девочкой лет пяти. Женщина объяснила, что привела девочку «полечиться». Лера пожала плечами, не понимая, что это значит.

На сцену вышла скромно одетая женщина с простым открытым лицом, похожая на певицу Валентину Толкунову, и стала негромко петь что-то вроде молитвы. Поначалу ничего больше не происходило: все смотрели на «ведьму» и слушали её пение. А потом в разных концах зала началось какое-то движение. Лере пришлось крутиться в кресле, чтобы хоть что-то увидеть из своего первого ряда. То там, то здесь раздавались крики, стоны, вой... Наконец, помощники «ведьмы» стали приводить кричащих на сцену и усаживать на заранее подготовленные стулья. Сидя на первом ряду, Лера имела возможность внимательно рассмотреть их. Подсадные? Они как будто находились в трансе, раскачивались, стонали, выли. Им явно было плохо, они мучились. Народу на сцене всё прибавлялось, а «ведьма» продолжала петь. Внезапно Лера подскочила на месте от леденящего душу крика: это заорала её соседка, та самая, которая привела девочку «полечиться». Соседку вывели на сцену, а испуганная дочка заплакала, размазывая слёзы по покрасневшим щекам. Лере пришлось взять её на руки, успокоить. Нет, не похоже, чтобы это были подсадные.

Женщина перестала петь и повернулась к сидящим на сцене. Там набралось уже человек пятьдесят: мужчины и женщины, старики и дети. «Ведьма» стала подходить к каждому из них с микрофоном и задавать вопрос: кто тебя проклял? кто навёл порчу? Отвечающие были в трансе и отвечали на вопрос чётко, словно ясно видели себя в момент «наведения порчи». Лера терпеливо ждала, пока дойдёт очередь до её соседки. Наконец, молодая женщина рассказала, глотая слёзы: «Это была баба Шура, в деревне! Мне было шесть лет!» «Ведьма» спросила:

– Как именно она навела порчу?

– Картошка! Она вынесла нам с пацанами жареную картошку с луком, прямо в сковородке!

Опросив таким образом всех сидящих на сцене, ведущая снова повернулась к залу. Она объяснила то, что зрители и сами видели: люди, на которых была наведена «порча» или в которых вселился «злой дух», выдали себя. Каждый точно знал, где и каким образом его «прокляли». Лера всё ждала, когда же будет, как у Булгакова, разоблачение магии.

Но разоблачения не последовало, скорее, наоборот: «ведьма» снова отвернулась от зала и начала читать другие молитвы, осеняя «проклятых» большим золотёным крестом, как

батюшки во время службы. И тут сидящие на сцене заорали, но не своими голосами. Лера же слышала, как они рассказывали о «порче»! Теперь в них словно говорил кто-то другой! Соседка кричала мужским страдальческим голосом: уберите крест! «Ведьма» спокойно объяснила зрителям, что это кричат не люди (они потом ничего не вспомнят), а вселившиеся в них бесы...

Ни тогда, ни позже Лера так и не смогла объяснить себе, что же такое она видела из первого ряда концертного зала «Россия». Единственное, что она поняла: в мире есть вещи, недоступные человеческому пониманию.

* * *

И вот теперь Валерия вспомнила об этом своём открытии. Найти ту самую «белую ведьму» не представлялось возможным, но почему бы не обратиться к другим экстрасенсам или ясновидящим? Не очень понимая, что она делает и зачем, но не в силах больше выносить неизвестность, Валерия поехала – хуже всё равно не будет! – на приём к «ясновидящей, помогающей в розыске пропавших людей по фотографии». Ясновидящая *принимала* в районе Чистых прудов, и в обеденный перерыв Лера приехала по назначенному адресу. Её встретили сразу несколько женщин: делали пасы руками над фотографией отца, курили благовония, смотрели в хрустальный шар и совершали прочие, на вид театральные, действия. Наконец, сказали:

– Жив. В Александрове.

Лера обомлела. Да как же такое возможно? Три недели? Без сознания он, что ли? С ним же все документы!

– Вы уверены, что жив?

– Деточка, если человек мёртв, то следом за посетителем, который его ищет, входит его душа и обращается ко мне с просьбой найти его. За тобой никто не вошёл. Точно жив. Больше сказать не могу.

На следующий день мама, муж и мама мужа поехали в Александров и обнаружили в местном морге тело отца, умершего от переохлаждения в ночь исчезновения. При нём были все документы: пропуск в институт, паспорт, сезонный проездной на электричку. Майор же сказал, что проверил *неопознанных*. Чёрт!

VII

Я для себя так определяю святость: это когда ты никому не являешься залогом счастья и когда тебе никто не является залогом счастья, но чтобы ты любил людей и люди тебя любили тоже.

Алексей Иванов, «Географ глобус пропил»

Москва начала нулевых переживала бум ремонта, стройки и перестройки сталинских и хрущёвских квартир под потребности нового, платежеспособного класса. Спрос на тех, кто разбирается в ремонте и дизайне интерьеров, был колоссальный. На этой волне Татьяна быстро нашла работу в *фирме*. Она молниеносно сориентировалась в потребностях заказчиков и взяла на себя полное руководство проектами. Ей одинаково легко удавалось дисциплинировать бригады строителей, контролировать расходы прорабов, доставать эксклюзивные стройматериалы по закупочным ценам и продавать свои проекты конечным клиентам.

Поскольку Таня была универсальным специалистом и всё делала сама, на *фирме* её ценили на вес золота. Работа была тяжёлой и ненормированной, приходилось буквально носить образцы плитки под мышкой и сутками сидеть на объектах, но Таня знала, ради чего она на это идёт. Через полгода она оставила фирму и начала работать на себя, используя репутацию среди заказчиков и связи в среде поставщиков материалов и строительных бригад.

Среди заказчиков попадались *новые русские*, считающие себя хозяевами жизни и потакающие любым своим желаниям. Неуклюжие попытки подкатить к бойкой дизайнерше разбивались об её уверенность в себе, чувство юмора и ощущение границ. Уж если Таня «строила» бригады наглевших перед девчонкой работяг, то отшивать желающих забраться к ней под юбку она умела и подавно, да так, чтобы не навредить бизнесу. Элегантно.

Личной жизни у Тани не было, пока не появился он, Сергей Доценко.

* * *

...Летом восемьдесят шестого года Таня с родителями отдыхала в Анапе. Тот самый единственный семейный выезд... Отпуска, правда, были не в пример нынешним – по месяцу-два, поэтому добирались в основном на поезде: времени много, денег мало. Будаевы поселились «у хозяйки», в летнем домике, прямо как у Аркадия Северного, «и за дом, где жили куры / с нас женою по три шкуры...». Из удобств предлагались умывальник с ведром, душ с солнечным подогревом, летняя кухня на террасе, где, в теории, можно было готовить, но на практике всё было организовано так, что готовить не получалось: то занято, то газовый баллон еле жив, то ещё что-то... Под деревьями на полиэтилене, расстеленном прямо на земле, завяливались, подсыхая, спелые абрикосы, привлекая густым приторным ароматом пчёл и других летающих охотников до сладкого. Выходишь за калитку, пересекаешь сонный городишко – и ты на пляже, где солёный ветер и тёплые воды до горизонта. А по вечерам сливаешься с разнаряженным курортным людом, усаживаешься в открытом театре и слушаешь начинающую певицу из Одессы Ларису Долину.

Курортные знакомства завязываются легко, особенно если предстоит соседствовать целый месяц. Компанией для Тани и её семьи были две пары, отдохавшие у той же хозяйки. Одна из них приехала из Перми: дядя Витя работал детским доктором, а его жена Ольга... Таня не запомнила. У дяди Вити была каноническая внешность детского доктора – интеллигентская бородка, добрые глаза, тёплые мягкие руки... Он был несуетлив, спокоен, основателен. И молод.

Как-то раз посиделки на просторной террасе затянулись допоздна. Попивая молодое вино, мама и Ольга болтали «о своём» – о мужчинах, а Таня сидела и слушала в пол-уха, рассматривая звёзды, неестественно, необычно яркие, невиданные в её широтах. Ольга рассказывала про супруга, про то, какой он замечательный человек, муж и отец, как он сидел целыми днями под её окнами, когда она лежала в роддоме. Она говорила ему: иди домой, ну что ты сидишь здесь до темноты? А он: ну что я дома-то буду делать, один? Я лучше тут посижу... И так каждый день, до выписки...

Тогда Тане, десятилетней девчонке, неотрывно рассматривающей звёзды, сказанное показалось мечтой. Мечтой о таком вот человеке рядом, который каждую минуту своей жизни нуждается в тебе.

Сергей Доценко казался Тане человеком, вышедшим из её детских мечтаний. Они познакомились по работе, и несколько месяцев отношения сохраняли исключительно служебный характер. Но с первых минут Таня ощутила то, что чувствуют ведомые инстинктом и не знающие разума животные, безошибочно различающие даже на расстоянии тех, кто с ними одной крови.

Встречались по необходимости, раз или два в месяц, всегда в её офисе. Обсудив деловые вопросы, Сергей не торопился уходить, подолгу болтая о политике, финансах, бизнесе. Мало-помалу темы бесед становились все более личными, как-то Таня даже показала ему свой фотоальбом, конечно, «случайно» оказавшийся под рукой. А Сергей рассказывал о семье, из которой давно ушел, и о дочке Кате, с которой продолжал видеться. Они всегда садились далеко друг от друга – по разные стороны переговорного стола, но редкое общение было насыщено такой энергетикой, таким концентрированным эротизмом, что потели ладони и пылали жаром щеки... или ей всё это лишь казалось. «Да брось, – убеждал её внутренний голос, – товарищ просто отлынивает от дел, развлекая себя флиртом с молоденькой дурочкой».

Сергей родился и вырос в маленьком поселке с населением десять тысяч человек, потом поступил в училище в областном центре. Перестройка застала его студентом строительного вуза. Когда началась приватизация, Сергей вместе с одноклассниками встал у проходной единственного в областном центре завода и выкупил у рабочих завода их ваучеры. Пакет (в буквальном смысле – полиэтиленовый, с ручками) был продан заинтересованному инвестору. Сергей повторил операцию и утроил свой первоначальный капитал...

К моменту встречи с Таней он уже был владельцем солидного бизнеса в Москве – завода по производству стройматериалов по немецким и итальянским технологиям. Создавал он его в партнёрстве с бизнесменами из Германии, через которых получал товарные кредиты из Германии и других стран Европы. «Живых» денег немцы, впрочем, не инвестировали, но под их репутацию Сергей мог привозить товар, а потом и технологии и оборудование для производства. Когда капитализация предприятия достигла нескольких миллионов долларов, он решил выкупить долю немецких партнёров. Планируемая сделка была сложной и растягивалась на несколько лет, однако она принесла бы Сергею полный контроль над его бизнесом.

По смешному совпадению, Сергей явил в себе олицетворение того, что она тогда, в свои двадцать три года, ценила в мужчинах. Он был интеллектуалом, к тому же, совершенно свободным от общественного мнения. Мог в одиночку пойти на премьеру в «Пушкинский», если хотел первым посмотреть какую-то конкретную ленту, а компании не было. В то же время, не смущаясь, признавался, что не смотрел фильм «Особенности национальной охоты», что вообще о таком не слышал. Читал все литературные новинки, в основном современную российскую прозу, на которую постепенно подсадил и Таню. Он нимало не заботился о том, что могут подумать о мужчине, который читает женские романы или что-то подобное, что ему не пристало. Такой вопрос не приходил ему в голову.

Пижон и педант, он не только сорочку и галстук – служебную машину «Пежо» подобрал под цвет глаз, голубую. Всегда слегка загорелый (солярий?), подтянутый (тренажерный зал?),

в начищенных туфлях (миланский тротуар?), благоухающий чем-то, что не похоже на парфюм (оказалось, Jean-Paul Gaultier), он являл собой образ мужчины, на который впоследствии навесят ярлык «метросексуал».

Сергей был не чужд и людским порокам: некурящий в быту, под обстановку покурил сигары, отлично разбирался в вине, после каждой поездки за границу пополнял свою коллекцию, а затем с удовольствием обдумывал, какой повод достоин открытия той или иной бутылки.

И только лёгкое заикание да явное смущение при обсуждении некоторых личных тем делали его образ уязвимым, слишком человеческим. Постепенно Таня поняла, что влюбилась, безрассудно, безнадёжно и страстно, как бывает только в двадцать лет.

Как-то раз Сергей приехал к Татьяне под конец рабочего дня. Обсудив дела, они вместе вышли из офиса. «Сейчас мы разойдёмся в разные стороны», – с грустью подумала Таня. Но Сергей неожиданно перешёл грань деловых отношений, пригласив её выпить кофе в кафе у метро. С этого вечера началась другая история, и совсем не деловая.

Ухаживал Сергей красиво. Раз в неделю привозил или присылал с курьером цветочные композиции в горшках со специальным наполнителем; эти букеты оставались свежими несколько недель. Он приглашал Таню на самые модные и эксклюзивные мероприятия и концерты, устраивал сюрпризы и поездки в Европу на уикенд. Один раз подарил... звезду с неба. Самую настоящую, с сертификатом – чего только ни готовы были предложить в Москве нулевых желающим платить!

Сергей преподносил Тане и осязаемые подарки, проявляя наблюдательность, изобретательность и внимание. Как-то раз в торговом центре Таня померила браслетик, просто из любопытства. Отошла от прилавка, направилась в обувной отдел. Сергей ненадолго оставил её там одну, а когда они вернулись к машине, Таня обнаружила на сиденье красиво упакованную коробочку, а в ней – тот самый браслет. В другой раз Сергей пригласил её на дефиле. Ювелирный салон устроил показ украшений только для них двоих. Весь вечер девушки ходили по небольшой сцене, демонстрируя серьги, кольцо и браслеты, а Сергей с Таней потягивали коктейли и наслаждались шоу. Однако он не сорил деньгами, имел своё понятие, что сколько стоит, и не переплачивал без надобности. Однажды в воскресенье он привёз Таню на какой-то стрёмный склад в районе Свиблово, где их встретила хозяйка – кореянка – и с ног до головы одела Таню в одежду итальянских брендов, пошитую в Корее. На удивление, и ткани, и лекала оказались первоклассными, и вещи сидели на Тане так, словно пошиты по её меркам. Большую часть этих вещей – пальто, плащи, жакеты – Таня носила много лет, перевозя их с собой по миру. Этой одежде сносу не было, и она не выходила из моды.

Когда в Москве появлялись новые товары и услуги, Таня была одной из первых, кто их получал. Например, Сергей подарил ей один из первых в Москве съедобных букетов – из конфет, зефира и пастилы. Он постоянно отслеживал все новинки, чтобы порадовать свою девочку. Застёгивая на её шею очередное кольцо от Frey Wille или на запястье – часики от Longines, Сергей предвкушал удовольствие от Таниного крика «Вау!» Казалось, он старался только ради этих эмоций.

Подарки, развлечения, поездки – всё это было, конечно, приятно, но Тане хотелось настоящей духовной близости, откровенности – без компромиссов, без сомнений, без условностей. Хотелось чувствовать то, что чувствует он; чувствовать то, что он сам о себе ещё не чувствует; то, что он не хотел бы, чтобы кто-то чувствовал. Хотелось, чтобы они сроднились, чтобы сбросили все социальные маски, не оставляемые ими на работе и в быту. Хотелось, чтобы их отношения стали, как у дяди Вити из Перми и его жены Ольги, чтобы друг без друга ни вздохнуть, ни выдохнуть, ни петь, ни свистеть...

И Сергей, казалось, хотел того же. В отношении женщин он был, что называется, ходок. В пятнадцать лет, будучи единственным парнем в группе педагогического училища, он прак-

тически жил в женском общежитии. Девчонки не стеснялись его, переодевались, дефилировали голышом. Он рано познал мир чувственных наслаждений; обладая высоким темпераментом, полагал, что ровно так же обстоят дела и у других мужчин. Но с возрастом понял, что это не так; как двадцать процентов самцов морских котиков оплодотворяют восемьдесят процентов самок в популяции, так и Сергей «старался» и за себя, и за тех парней, что быстро выбыли из «большой игры». Он без меры дарил женщинам то, в чем они нуждались – внимание, ласку, удовольствия, любовь – как он её понимал. Дарил легко, без рефлексии и условностей, никогда не врал и не давал несбыточных надежд, относясь к сексу как спорту, притом не самому неприятному. Женщины любили его в том числе и за это. Единственная женщина, которой Сергей обещал жениться, стала его женой. Вступив в брак, Сергей остепенился слегка, но супружескую верность не абсолютизировал. Когда его недолгий брак распался, Сергей снова пустился во все тяжкие. Дух флибустьерства оказался живуч: время от времени он занимался сексом то на верхней полке поезда, то в машине, то в кабинете ресторана и прочих местах, в которых тридцатилетним дядькам это не очень приличествует.

После восьми лет такой вольной жизни встреча с Таней, по словам Сергея, «опрокинула, перелопатила, перемолола его». Он говорил, принося очередной букет белых цветов как символ капитуляции:

– Мне казалось, что я знаю о женщинах всё. А теперь я смотрю на тебя, и только от одного взгляда моё сердце наполняется такой нежностью, на которую я и не думал, что способен. Ты вызываешь во мне такие красивые чувства!

А потом, сидя за столиком роскошного ресторана, нежно сжимал её запястье и вновь повторял:

– Ты представляешь себе, каким бы я был сейчас, если бы знал тебя раньше? Если бы обнимал тебя все эти прошедшие годы? Смотрел на тебя? Ты одна умеешь исправлять настройки этого мира, человеческих судеб. Ты одна оправдываешь существование женского пола... нет, всего человечества! Когда я с тобой, воздух становится свежее, вино – слаще, запахи – острее. Каждую секунду с тобой я ощущаю божественное присутствие, а когда я говорю с тобой, а на самом деле говорю с Богом.

Таня замирала и боялась дышать... Вот оно! «Мы близки, мы с ним одной крови», – думала она. «Ты одна мне родная, – говорил он. – За тебя я готов умирать и убивать». И она таяла: вот та самая степень близости, которой она так желала.

Мало-помалу Сергей заполнил всю жизнь Тани – в прямом, физическом смысле. Он приезжал к ней по утрам, и, пока она собиралась, смотрел финансовые сводки по Евроньюс и пил кофе. По крайней мере, два дня из пяти заезжал за ней в обед. Забирал после работы, отвозил домой. Выходные Сергей проводил с Таней, приезжая в субботу утром и уезжая в воскресенье вечером. Если Тане нужно было сделать покупки или сходить к врачу, Сергей везде её сопровождал. Постепенно всё сложилось таким образом, что Таня нигде не бывала без Сергея. С момента пробуждения и до отхода ко сну Сергей был рядом. Он уезжал домой, когда Таня ложилась спать, а наутро жаловался:

– Я ехал домой по полупустому шоссе, и каждый километр – каждый! – отделял меня всё дальше и дальше от тебя! Это невыносимо!

Однако вопрос о том, чтобы жить вместе, не поднимался: Таня не хотела просто съезжаться, а Сергей не мог предложить ей руку и сердце, поскольку его брак не был официально расторгнут. Лучшие адвокаты работали над делом Сергея, но его жена развода не давала. Хотя они не жили вместе восемь лет, она предпочитала оставаться в статусе замужней, Бог знает почему. Таня не углублялась в детали.

Вероятно, Таня не хотела жить с Сергеем под одной крышей, чтобы сохранять иллюзию свободы. Все остальное у неё уже отобрали. Дошло до того, что ей не позволялось шагу ступить без Сергея. Покупки? Вместе, либо Сергей всё привозил. В салон красоты? «Я тебя отвезу»,

говорил Сергей. Встреча с подругами? «А зачем? Ты что, не хочешь провести время со мной?» Всё это воспринималось Таней как лёгкое преследование.

Наступил момент, когда она почувствовала, что забота Сергея, его внимание, звонки каждый час и смс-ки каждую минуту и вообще – его присутствие каждый миг и час её душит. При каждой встрече он так подробно расспрашивал обо всём, что происходило с момента их расставания, словно хотел проникнуть в самые потаённые уголки её души, хоть и облакал эти расспросы в несерьёзную форму: «Ну, что у тебя новенького-интересенького?» Как-то раз Сергей увидел у Тани в сумочке новый молескин. Она купила записную книжку в ларьке у метро: ей понравился цвет обложки. Купила просто так, повинаясь секундному импульсу. Сергей устроил ей допрос с пристрастием:

– А где ты купила? А когда ты купила? А зачем? А почему не сказала, что тебе нужен молескин, я бы привёз? Мы бы могли вместе купить. А что ещё ты купила?

Под пулемётной очередью этих расспросов Таня почувствовала, что закипает. Сергей заполнил всю её жизнь, и ему всё мало! Он уже и в мысли её пролез! Таня подозревала, что в этом его желании нет контроля, а только лишь потребность каждую минутку быть с любимой. Но от этого ей не становилось легче. В признаниях Сергея всё чаще стала сквозить мысль «я хочу, чтобы ты была счастлива, но только вместе со мной». Он утверждал, что они с Таней – единый организм, где она – сердце, а он – лёгкие, и друг без друга они умрут. А Таню это пугало.

(Впрочем, не зря. Несколько лет спустя, съезжая с квартиры, Таня обнаружила в телефонном шкафчике-щитке следы прослушивающего оборудования. Значит, контроль-таки был.)

Близость, о которой девчонкой грезил Таня, оказалась вовсе не так прекрасна. Она оказалась страшна. Сергей доверял Тане настолько, что только ей он показывал себя таким, какой он есть, все потаённые закоулки своей души, все выверты своего больного сознания, все эти жуткие чистилища, населённые мрачными демонами. Она с готовностью раскрывала свою чистую душу, и эта душа, как губка, впитывала, пропускала через себя все эти откровения, выпущенных на волю демонов, отходы душевной жизнедеятельности. «Женская душа – это сосуд, который заполняют радости и горести любимого», – сказал А. П. Чехов. Тане доставались лишь горести. И всё бы ничего, но, чёрт возьми, слишком близко к сердцу она их принимала. Он требовал полного слияния души, разума и тела в одно общее бытие, до внутренностей, до психологических кишечника...

В общем, Таня поняла, как она заблуждалась в своём детском определении мечты. Это оказалось тяжело: всё время, каждую минуту жить под прицелом чьих-то глаз, пусть даже бесконечно, до самоотречения любящих тебя. Когда эти глаза неотрывно, а потому бесцеремонно преследуют тебя, слёзно моля не запираť ни на секунду двери твоей души, не отворачиваться, не закрываться. Когда у тебя нет права побыть наедине с собой, ты всё время должна в неограниченном количестве поставлять эмоции другому человеку... Ты не можешь заболеть, умереть, исчезнуть. Найдут, откопают, оживят. И вновь вперят в тебя отчаянно молящий взгляд. Настолько отчаянный, что это лишает тебя последних сил разорвать эту связь, из-за которой ты словно не можешь сама проживать свою жизнь: всё время кто-то рядом проживает её за тебя.

Каждый человек наполняет душу по-своему.

Один сам для себя и сосуд, и напиток (и с точки зрения «наполненности» неважно, счастлив он или нет, ведь несчастное мироощущение – это тоже дар, это тоже наполнение. Дар быть несчастным не менее ценен, чем дар быть счастливым).

Другому хорошо с самим собой, но ему необходимы люди, лишь в служении которым он ощущает полноту жизни, своего сосуда; только в духовном взаимодействии с другими он раскрывает все грани личности, сверкает, искрится.

Третий не может хоть чем-то наполнить сосуд и «побирается» у тех, кто способен. Такие люди – лишь песчинка, и жизнь их всецело зависит от того, кто рядом и что происходит вокруг.

Себя они идентифицируют как отражение внешнего, и необходимый стимул для внутренней работы получают извне, перерабатывают его внутри и выдают опять во внешний мир, как бы находя подтверждение или опровержение внутренней работе. Жалки, жалки люди, внутренний мир которых пуст и безрадостен и чей путь – лишь попытка паразитировать в чужих мирах...

VIII

В любви начисто отсутствовал смысл. Но зато она придавала смысл всему остальному. Она сделала моё сердце лёгким и пустым, как воздушный шар. Я не понимала, что со мной происходит. Но не потому, что поглупела – просто в происходящем нечего было понимать. Могут сказать, что такая любовь неглубока. А по-моему, то, в чём есть глубина – уже не любовь, это расчёт или шизофрения.

Виктор Пелевин, «Священная книга оборотня»

Лучше бы пил и курил...

Саша Васильев

По мнению одной известной телеведущей, настоящий мужчина – тот, у кого в имени есть хотя бы одна буква «Р». Если верить этой небесспорной теории, муж Леры Роберт Горский был дважды «настоящим мужчиной». Они познакомились еще первокурсниками, когда Лера поступила в Московский юридический институт (вскоре переименованный в Московскую государственную юридическую академию), Роберт стал студентом всем известной Бауманки.

При первой встрече Роберт не произвёл на Леру особенного впечатления: она была убеждена, что ей не нравятся ровесники. Она помнила, как в одиннадцатом классе с подружками – разодетыми и накрашенными – уже дефилировала на встречу с взрослыми парнями, в то время как их одноклассники ещё бегали по стройке с цветными пластиковыми автоматиками и играли в войнушку. А вот пацаны постарше – другое дело. Такое впечатление у Леры сложилось ещё во время общения с игроками московского клуба «Что? Где? Когда?», а студенты-вечерники из МЮИ его только усилили. С последними Лера постоянно общалась на репетициях их институтской команды КВН. В отличие от первокурсников-дневников, вечерники были взрослыми мужчинами, часто прошедшими армию, окончившими юридический техникум и работающими по специальности. Они чётко осознавали, зачем учатся, и применяли знания на практике. Среди вечерников были и фондовые брокеры, а в начале девяностых это был просто фетиш! Все эти «спрэды» и «пипсы» звучали загадочно и будоражили воображение, и глаза Леры горели, когда ей рассказывали о принципах работы ФОРЕКС. Она поняла, что ей нравятся умные мальчики, и шутила сама с собой, мол, моя эрогенная зона – интеллект.

Случилось так, что встреча с Робертом разрушила сразу два предубеждения: «ровесники – не мужчины» и «мне нравятся юристы и финансисты».

Строго говоря, Роберт вряд ли бегал по стройке с пластиковым автоматиком. В выпускных классах он, помимо средней школы, посещал ещё физико-математическую, да участвовал во всех районных и городских олимпиадах по математике, химии, физике и Бог знает ещё по чему. До встречи с ним Лера не общалась с «технарями» настолько близко (семья не в счёт).

В общем, рядом с Лерой оказался человек одного с ней социального круга (мама Ольга Николаевна – врач-терапевт, папа Владимир Иванович – военный), интеллектуал, умница, у которого с головой всё сложилось, как надо. Её эрогенная зона откликнулась ярко и недвусмысленно.

Избранник обладал набором таких неоспоримых добродетелей, что, задним умом рассуждая об их встрече, Лера не удивлялась, чем он её заинтересовал. Он не курил, не пил – абсолютно, ни грамма, ни глотка, никогда и ни при каких обстоятельствах. Вообще-то, Лера была снисходительна к людским порокам и привычкам; её не интересовала внешняя картинка и «что скажут люди», гораздо важнее, «чтобы человек был хороший», но после отца-алкоголика такая вот трезвенность обрела в её глазах дополнительную ценность.

Отношения Роберта и Леры развивались естественно и плавно, как бы сами собой. Она не помнила, чтобы он ухаживал, соблазнял. Первый шаг – нет, крохотный шажок – сделала она. Потом он. Так они сближались, скользя друг другу навстречу; поцелуи становились всё жарче, объятия – смелее. И вот наконец Роберт прервал ход этого поступательного движения. Не в силах больше бороться с искушением в виде готовой отдалиться его ласкам загорелой красавицы в летнем тонком платице, он перешёл к решительным действиям. Что до Леры, в силу то ли неопытности, то ли влюблённости в Роберта, она не видела ни краёв, ни берегов. Вырвавшись за пределы приличий, мощное, почти животное, влечение обрушилось на Роберта и Леру всей своей силой, заполнило всё их сознание. И всё завертелось...

...Лера с Робертом не думали о свадьбе и не планировали ничего менять как минимум до конца учёбы. Из-за беременности Леры матримониальные планы пришлось пересмотреть. Летом, сразу после сессии второго курса молодые расписались, и Лера оформила в институте академический отпуск.

Мечты молодых о безмятежной жизни и помощи родителей были сурово растоптаны новыми экономическими реалиями начала девяностых. В девяносто втором Ольга Николаевна и Владимир Иванович первыми из сограждан лишились средств к существованию и оказались на грани нищеты: официальные расходы на армию и социальную сферу сократились на девяносто процентов. Повинуясь голосу из телевизора, призывающему россиян «учиться торговать», Ольга Николаевна выносила к метро зелень, яблоки и цветы с дачи. Спустя несколько лет открылись оптовые рынки, и она взяла в аренду *палатку*. Она занялась бытовой химией, которую *брала на реализацию*. Палатка представляла собой контейнер, в котором хранился товар. Задняя дверца контейнера открывалась, и с неё производилась торговля – без кассовых чеков и гарантий. Такими контейнерами были уставлены все мелкооптовые рынки Москвы и Подмосковья – вещевые и продуктовые. Владимир Иванович участвовал в бизнесе жены неохотно и по обязанности, *отричь души*, как она это называла. Ольга Николаевна – «ты только прикажи, и я исполню, товарищ Время!» – работала вдохновенно, а потому преуспела, раскрутилась, арендовала ещё несколько палаток и наняла продавщиц. А вот Владимир Иванович не мог смириться с тем, что из офицера превратился в «торгаша». Его патриархально-аристократическое отношение к торговле как к недостойному занятию, свойственное советскому человеку, не изменилось до конца жизни.

Чтобы обеспечить молодую семью, Роберт подрабывал помогать родителям в палатке. Он выполнял всю требуемую работу, как физическую, так и организационную, и честно отрабатывал свои деньги.

В первые годы брака самым большим Лериным страхом стало утреннее пробуждение в одиночестве. Удивительное по красоте и силе чувство выносило её прочь из реальности, в которой она до сих пор существовала, в иные слои – не иначе, как в сон... Который, как убеждает нас логика бытия, неизбежно закончится. Просыпаясь посреди ночи, чтобы убедиться, что он по-прежнему рядом, она была уже не в силах заснуть, и в оцепенении смотрела на него, спящего, слушала его дыхание и внимала этой чудной, исходящей от него благодати... Едва дождавшись рассвета, она выходила на балкон, и её душа пела от счастья, прямо в лазоревое небо, в зелёный двор. Такое утро! Разве можно было представить, что вот сейчас, в эту самую минуту, кто-то в засаленном халате на кухне жарит яичницу? Это нельзя сейчас, это кошунство и надругательство над прекрасным, самым лучшим, дарованным судьбой мгновением. Которое будет повторяться снова и снова. Потому что самое главное уже произошло – они встретились, круг замкнулся, а значит – хотелось верить! – им уже ничто не грозит. И хотелось верить, что вот это ощущение лёгкости, отрешённо-блаженное выражение ничего не замечающих глаз, ленивые попытки подавить зевки на паре, вызывающие еле скрываемую, но не увиденную Лерой зависть «неустроенных» однокурсниц, – всё это навсегда. Ну, или очень надолго.

У влюблённых под подбородком как будто воздушный шар, они парят, не касаясь земли, а их глаза приобретают чудесное свойство видеть всё в волшебном свете и не замечать ничего, что могло бы повредить этому состоянию. Мистическим образом отфильтровывается то, что может травмировать, и высвечивается то, что дает гармонию. Влюблённые утрачивают ощущение реальности, теряют бдительность, их восприятие мира становится не просто неадекватным, а абсолютно самостоятельным, параллельным, по телевизору в их мозгу идёт та программа, которую они желают видеть, – вот счастливицы! Поэтому мы любим быть влюблёнными. Поэтому мы боимся быть влюблёнными.

Шли годы. Поначалу Лере нравилась некая строгость в отношениях с Робертом; он не лез в душу и не любил, когда лезут к нему, абсолютизировал эмоциональную свободу, да и вообще свободу своего внутреннего бытия. После семи лет брака такая отстранённость Роберта стала раздражать Леру. Она спрашивала Роберта:

– Почему ты не звонишь мне днём?

Он пожимал плечами:

– Зачем? Все деловые вопросы могут подождать до вечера.

Она пыталась объяснить, что деловые вопросы и вправду могут подождать, и звонят-то не за этим, но он не понимал.

– Если тебе так важно, я поставлю себе напоминание и буду звонить.

Подумав, Лера ответила:

– Не надо, – и успокоилась.

А зря. Это был звоночек, который Лера пропустила, очарованная своим серьёзным мужчиной с двумя Р. Знак, что они говорят на разных языках. Нет-нет, она не относилась к тем истеричным дамочкам, которым нужно каждый час получать словесные или материальные подтверждения, что их всё ещё любят, и за прошедший час любить не перестали. Лере было понятно, что не всё можно и нужно объяснять словами, хотя это, наверное, её язык. У него же со словами всё было иначе: когда Лера спросила мужа, почему он не говорит о своих чувствах, он удивился:

– Я же говорил, что люблю, и это не изменилось.

Серьёзно?

В другой раз он отшутился чисто как технарь:

– Работает – не трогай! – имея в виду их семейные отношения.

С годами Лера стала ощущать неудовлетворённую потребность в романтике, в более эмоциональных отношениях с мужем. Она привычно оправдывала его нечувствительность, даже, порой, чёрствость: «у него не было братьев и сестёр, он привык к одиночеству, сам за себя». И все же Леру ставило в тупик, когда после нескольких лет брака Роберт напрочь забывал, что он теперь живёт не один: не звонил, когда задерживается, не задумываясь забирал последний кусочек торта, абрикос там, котлетку... В Лериной семье так не было заведено – нужно оставить детям или предложить друг другу. Ничего, думала она, отогреем, растопим этот слой льда, скрывающий твоё горячее, любящее сердце. А душу грызло сомнение: не слишком ли много она берёт на себя, не возлагает ли на свою любовь непосильную ношу – переделывать другого человека, вложить ему свой способ выражать свои чувства?

А Роберт не тратил слов, но делал дело. Такой вот на сто процентов мужицкий подход – не трепаться и обещать, а работать и добиваться цели. Не сетовать на несправедливость мироустройства, козни партнёров, тяжёлые времена, необходимость блага и взятки и прочее, а создавать и улучшать материальную базу своей семьи, вести семью к процветанию, ну, как он это понимает. А то, что семье вообще-то другое надо, он не виноват.

Лера гнала от себя мысль, что в Роберте есть какая-то червоточинка, изъян и душевный дефицит, который не позволяет ему открыто говорить о своих чувствах, хвалить жену, благодарить, сопереживать. Она предпочитала фокусироваться на добродетелях Роберта: прекрасный

отец, семьянин, надёжа. Лере внушили, что для женщины это очень важно – иметь «каменную стену», «опору», или как там ещё это принято называть. Но кто сказал, что это должно быть вроде каменного мешка, куда не проникает ни свет, ни тепло? Лере отчаянно не хватало витаминов, а её перекармливали углеводами и упрекали в неблагодарности.

Постепенно, за десять лет семейной жизни Лера убедила себя, что бушующие страсти несовместимы с долгосрочным семейным союзом. Объясняла она себе это так: сильные чувства, выносящие человека на высокую эмоциональную орбиту, в конечном счёте губят семейные отношения.

Те пары, чьи страсти были похожи на цунами, кто отдавался полностью любовному безумству и волшебству, кто не обжигался – горел, не жалея себя, чей разум капитулировал перед мощью природы, – нет, они не согласятся на постепенную (неотвратимую!) смену пылких чувств на другие семейные ценности. Ибо слишком хорошо помнят, как это было, и не могут смириться, что любви больше нет. И всё, что пришло на смену – для них словно безвкусный кисель из школьного буфета.

Но ведь отлив неизбежен, и вслед за спасительным охлаждением приходит уважение, духовная близость, надёжность, взаимная поддержка, ответственность, долг, совместное родительство, наконец – комфорт и удобство совместного проживания. Те пары, чьи чувства были уютными и спокойными, кто грелся – но не обжигался, летал – да не высоко, имеют гораздо большие шансы пережить вот такое перерождение любви без истерик, надрыва и отчаяния.

«На этом держится брак», – внушала себе Лера.

IX

*Из меня любовь выходит
Жаркой вытяжкой из крови,
Оставляя в жилах жидкий,
Дрёму тешащий бульон,
Забирая глаз свечение,
Дрожа из тела и проклятья
Каждой, ставшей нашей, ночи:
Не кончайся, слышишь, дура! <...>
Из меня любовь выходит,
Забирая подчистую
Всё твоё бывшее чудо,
Оставляя то, что было <...>
Что тебе сказать, любимый?
Уходи к чертям собачьим!
Уходи! Беги, не видишь —
из меня любовь выходит!*
Павел Круссанов, «Укус ангела»

Татьяна решила объясниться с Сергеем по телефону: она опасалась, что при личной встрече тот начнёт её уговаривать, давить на жалость и чувство вины, и в итоге вынудит остаться с ним. В субботу утром Таня позвонила и произнесла тщательно подготовленную фразу, мол, я так больше не могу, я честно пыталась, твоей вины нет и так далее. Сергей, казалось, не был удивлён. Единственное, о чём он попросил, – встреча на пятнадцать минут, в любом выбранном Таней месте.

Татьяна предложила увидеться там, откуда она сможет уйти в любой момент. В кафе, расположенном в цокольном этаже, было сумрачно и прохладно. Посетителей не было. Таня заказала кофе и закурила купленные на выходе из метро сигареты. Она не курила «в обычной жизни», ну, разве что раз в год, на какой-нибудь вечеринке, под алкоголь и настроение...

Сегодня настроение было вполне подходящим. Засветился и тренькнул телефон. Смс. Опаздывает. Таню это не рассердило, скорее, наоборот. Чем позже он придёт, тем позже начнётся эта экзекуция. В том, что разговор не доставит ей удовольствия, Татьяна не сомневалась.

Сергей сел напротив, заказал пиво, закурил. Таня посмотрела в его синие глаза с чуть припухшими веками.

– Я погорячился насчёт пятнадцати минут. Каждая секунда рядом с тобой стала пыткой.

– О чём ты хотел поговорить?

И Сергей заговорил. О том, как это чудовищно несправедливо, что Таня убивает их любовь – не мертворожденного младенца, не полуживую старуху, а молодую, румяную девушку, которая только вошла в пору своего расцвета, налилась соками, силой и чувственностью. Девушку, которая не хочет, не должна умирать, которая отчаянно борется с насилием, но Таня её добивает. Неумело и мучительно. И если Таня это делает, то для этого есть какая-то очень веская причина. Причина, известная одной Тане. И пока он ехал сюда, он всё думал, хочет ли он на самом деле узнать эту причину. А теперь, сидя напротив Тани в подвале на другом конце города, Сергей не хочет знать, за что Таня убила их любовь. Потому что пока он не знает, эта причина ему заранее кажется убедительной и, если можно так выразиться, уважительной. И он не хочет узнать, окажется ли она на самом деле таковой, а не смехотворной. Пусть Таня одна отвечает за это убийство, он отказывается быть подельником.

Одна сигарета дымилась в его руке, другая – в пепельнице. Пятнадцать минут давно прошли. Сергей выговорился и не ждал ответа от Тани. Она чувствовала, что на этом надо закончить, встать и уйти. Потребность ответить оказалась сильнее:

– Серёженька, ты прекрасный человек, и ты ещё будешь любить, будешь любимым, будешь счастлив! Поверь мне, ты мне дал, сказал и сделал всё, что только женщина мечтает получить и услышать от мужчины! У меня нет никаких претензий к тебе, у меня претензии исключительно к себе, когда я с тобой. Я потеряла себя. Любишь метафоры? Пожалуйста! Я будто вышла из поезда и углубилась в лес, на пару шагов, потом на десять, потом ещё и ещё... А впереди открывается удивительная страна, манит, дразнит. А я всё оглядываюсь – стоит ли мой поезд? Да, пока стоит, ждёт, но вот я уже с трудом различаю его между деревьями... Я понимаю, что пора возвращаться, причём бегом, пока не поздно. Иначе мой поезд совсем скроется из виду. Я боюсь... что если я потеряю из вида... свой поезд, я утрачу что-то важное, какую-то часть себя, может, часть тела даже... Я должна вернуться туда, где я должна быть, а не туда, куда ты меня тянешь. И спасибо тебе, что не пытаешься уговорить меня остаться.

Разрыв с Сергеем переживался тяжело. Оказалось, что за шесть месяцев их связи Татьяна настолько прикипела к нему, что отдирать приходилось с кровью.

Как это было, нет смысла описывать тому, кто пережил развод или разрыв отношений. А тому, кто не пережил – не понять. Тане казалось, что её душа похоронена на дне такой глубокой-преглубокой могилы, что до неё не долетают ни звуки, ни свет того, солнечного, мира. Ей было не очевидно, что этот мир существует; казалось, что не было ничего, кроме этой могилы и этой боли – такой острой, что всего остального и вовсе нет, и эта боль не проходит, не приглушается долгие-долгие месяцы. И лишь две мысли бродят по кругу в остывшем, полумёртвом сознании. Почему о таком не предупреждают? Господи! Об этом кто-то должен предупредить! Таня не знала, кто и как, но должен, Господи! И вторая: не слишком ли велика плата? Если *такой* ценой рассчитываться за опыт, то стоило ли вообще?

Человеку свойственно романтизировать прошлое – в этом, собственно, проявляется некий психосберегающий механизм. «Что пройдёт, то будет мило», а плохое всё забудется, да время вылечит. Когда выбор уже сделан, многие люди начинают сожалеть о том, что уже недоступно, отрезано сделанным выбором, принятым решением, а достоинства того, что они себе выбрали, резко меркнут.

Таня идеализировала период, проведенный с Сергеем. Если даже такая сильная любовь не способна сделать её счастливой, ей нет места в этом мире, то для чего всё, господи?

* * *

Побарахтавшись таким образом в жалости к себе, Таня вернулась к жизни, которую забросила на время романа с Сергеем. К новым отношениям она была не готова и думала, что уже никогда не будет готова. Вечера она коротала, подглядывая за чужими судьбами и питаясь чужими страстями – в Интернете. Таня полюбила *сидеть на форумах*, где участники и участницы, скрыв свои реальные имена за придуманными никами, изливали душу и просили поддержки. Она зарегистрировалась на нескольких таких форумах, посвящённых отношениям между мужчинами и женщинами, читала чужие истории, давала советы и вообще развлекалась и отвлекалась.

Как-то раз молодой человек просил на форуме совета и помощи. Его девушка вела себя странно: периоды агрессии сменялись истериками, ночные слёзы – агрессией, иногда дракой. Впоследствии выяснилось, что дело вовсе не в «плохом характере». Причина чисто медицинская – нарушение функции гипофиза и биохимии мозга. Многочисленные комментаторы сообщества утешали автора, сочувствовали, восхищались его преданностью и терпением. Парень прошёл курсы медицинского расслабляющего массажа, чтобы снимать приступы агрессии,

бежал бегом домой с работы, чтобы девушка ни минуточки лишней не была одна, и много чего ещё он сделал, чтобы своей любимой помочь. Собственно, ни помочь, ни посоветовать ничего толком автору не могли. Лишь одна комментаторша написала, что понимает, о чём речь – у её мужа всё ровно то же самое. А Таня возьми и ляпни: может, вам партнёрами поменяться, сойтись с автором, а ваши партнёры пусть друг с другом решают свои проблемы. Что тут началось! Таню подвергли остракизму, обвинили в нечуткости, отсутствии сострадания, цинизме, неспособности понять, где шутка уместна, а где нет. Чуть из сообщества не исключили!

У жизни интересное чувство юмора. Через год с небольшим Таня получила письмо по электронной почте, указанной при регистрации на том форуме: «...Сегодня разбирая старую почту, я наткнулся на исторический шедевр (далее шла ссылка на дискуссию в сообществе). Больше года назад Вы рекомендовали нам поменяться партнёрами. Так получилось, что совет оказался точным. Мы уже больше года вместе, мы оба нашли силы порвать с жестоким прошлым, убежали за город, завели пса и строим наш дом. Спасибо Вам за пророчество...»

...Постепенно опьянение свободой у бывшего зэка прошло, и стал он тосковать по зоне, с которой только откинулся. Таня начала активно переписываться *в личке* с участниками форума, знакомиться, флиртовать. Она не собиралась переводить переписку в общение *в реале*, не искала партнёра и вообще пока не понимала, каких отношений хотела.

На одном из форумов Таня познакомилась с Александром Павловым. Он представлялся на американский манер – Алексом, потому что уже несколько лет жил и работал в Америке. Алекс уехал из Москвы, где у него остались родители, сразу после окончания Бауманки. В Штатах он окончил бизнес-школу и занял достойную позицию в крупной корпорации, где сделал стремительную карьеру. В тридцать два года он продвинулся до топ-менеджера, работу свою любил, только вот семьёй не обзавёлся.

Алекс заинтересовал Таню какой-то своей необычностью, словно он «не отсюда» – и в географическом, и во временном смысле. С одной стороны, у Алекса и Тани был общий культурологический фон, коды, накопленные ещё с детского сада и до настоящего времени: от Чебурашки до Пелевина. Но в то же время Алекс не был похож на мужчин, с которыми Таня общалась в Москве. Он разделял ценности, которые станут мейнстримом в российском обществе ещё лет через десять: неприкосновенность, равноправие, политкорректность, толерантность. От него немыслимо было услышать шуточки вроде «бабы дуры не потому, что они дуры, а потому что они – бабы», бывшие нормой на российских телеканалах. Про себя Таня называла Алекса «мужчиной здорового человека» по аналогии с популярным *демотиватором*.

Они переписывались и перезванивались, пока не подошло время его ежегодного короткого отпуска. Алекс летел в Москву.

Х

Впоследствии он не раз вспомнит об этом явлении, впервые давшем о себе знать в тёмном парке и пустившем крепкие корни. И удивится тому, как складываются в нас важные решения – загодя, исподволь. Так же, как в спящей почке растения начинается новая жизнь – с первого деления клетки. Или подобно тому, как птица вдруг подбирает первую травинку, чтобы начать вить свое первое гнездо.

Владимир Дудинцев, «Белые одежды»

Моя Вселенная – это мои глаза и мои уши.

Всё прочее – не более чем слухи.

Дуглас Адамс, «Автостопом по галактике»

Иногда жизнь подкидывает нам кусочки пазлов, которые мы не знаем к чему приспособить, сдаёт карты, которыми нам негде сыграть. В жизни семьи Максимовых-Горских стали появляться такие детали, пока никак не намекающие на большую картинку.

Первым фрагментом будущего полотна без понятных пока очертаний стали служебные перспективы главы семейства.

Роберт трудился в международной энергетической компании «Стрим». Московский офис отвечал за весь европейский регион и (почему-то) Африку. Зарплаты здесь были несколько ниже, чем в среднем по отрасли, повышались они реже, но зато через пять-шесть лет работы руководящие сотрудники могли рассчитывать на перевод за границу, скорее всего, в Восточную Европу. Несколько коллег Роберта уже уехали в Словакию, Словению, даже в Испанию. Получая очередное электронное письмо от уехавшего коллеги с фотками на фоне достопримечательностей Бильбао, Роберт подавлял в себе желание поискать позицию в другой компании. Даже во время ожидания появления на свет второй дочки Ульяны, когда расходы семьи возросли, а доходы – снизились, Роберт терпеливо ждал «выслуги лет», позволяющей ему поставить вопрос о переводе.

Что же касается Леры, то после окончания юридической академии в девяносто седьмом году она получила работу юридического советника в адвокатской конторе. Природа одарила Леру уникальной комбинацией качеств и добродетелей, которая делала из неё талантливого юриста, правоведа от Бога. Обострённое чувство социальной справедливости, бережное отношение к людям, развитая эмпатия сочетались в ней с цепким аналитическим умом, вниманием к деталям, умением держать в голове «картинку» целиком и одновременно рассматривать каждый её элемент. И даже такое сомнительное достоинство, как слабое ощущение личных и телесных границ, работало на её профессиональный успех. Там, где другой уже развернулся бы и гордо ушёл, Лера терпеливо ждала, звонила и приходила столько раз, сколько нужно было, чтобы выполнить поручение доверителя. «Меня в дверь, а я в окно, а унижение паче гордости», – весело думала Лера, одной рукой умоляя чиновников решить вопрос клиента, а другой отправляя в суд жалобу на них.

В личных делах, увы, она не была столь напориста. Как только дело касалось её частных интересов, Лера отступала, не давая сражения. Отстаивать права клиентов было её профессиональной обязанностью, а на себя ресурсов уже не оставалось.

Профессия юриста привлекала Валерию прежде всего своим разнообразием. Если водитель грузовика – он и в Африке водитель грузовика, то юрист может принимать десятки разных ликов. И сама работа так же неоднородна: от юридических заключений и разработки учредительных документов до сопровождения сделок, переговоров, судебного представительства, научной работы... И эти виды деятельности связаны не с людьми, нет. С бумагами. Даже

адвокат, который гораздо больше, чем юрист вообще, вовлечён в коммуникационный процесс по защите интересов доверителей во всех инстанциях, большую часть своей работы делает именно за письменным столом.

Валерия наблюдала за адвокатами в конторе, где она занимала должность обычного юридического советника. Специального статуса адвоката у неё не было, поэтому редкие дела, требующие соответствующей «корочки», Лера вела в паре с кем-то из профи. И ей это нравилось! В конце две тысячи первого года, уходя во второй декрет, Лера загадала: по возвращении сразу же заняться оформлением бумаг на получение адвокатского статуса.

В две тысячи втором году в семье Леры появилась вторая дочка Ульяна, а в России – новый закон об адвокатуре. Согласно этому закону, кандидаты в адвокатуру обязаны сдать квалификационные экзамены, письменный и устный. Само собой, эта новость не порадовала Леру. Но решение уже было принято. Она поехала в магазин «Юридическая книга» на Земляном валу, напротив Курского вокзала, и скупил все учебники по темам, заявленным в экзамене: от налогового и таможенного права до частного и публичного международного права. В юридической академии Лера училась преимущественно по советским учебникам, и теперь словно впервые знакомилась с новейшим российским правом, получая от этого искреннее профессиональное удовольствие.

Роберт поддерживал Леру и создавал ей условия для подготовки к экзамену, принимая на себя все заботы о девочках. Экзамен был благополучно сдан, и Валерия получила адвокатское удостоверение из рук самого Генри Марковича Резника, председателя Адвокатской Палаты города Москвы. Однако в свою контору она не вернулась. Молодая российская адвокатура только нащупывала свой путь в новой реальности, используя возможности, предоставленные свежепринятым законом. Создавались новые адвокатские образования: кабинеты, бюро, коллегии, а прежние формы адвокатской деятельности – юридические консультации и конторы – реорганизовывались. Валерия присоединилась к бюро, созданному молодыми амбициозными юристами. Эти ребята набирали в свою команду молодых адвокатов исключительно с «красными» дипломами, полученными в трёх ведущих московских вузах. Руководители бюро строили юридическую компанию западного типа с прицелом на расширение за пределы России, на международный статус. Планка была поднята высоко. Лера возглавила арбитражную практику бюро; правда, состояла эта практика пока из неё одной. Это было и увлекательно, и интересно, и страшно одновременно.

Первым доверителем на новой работе был руководитель компании, желающей арендовать этаж в новопостроенном офисном центре. Работа Леры состояла в изучении документов, относящихся к объекту аренды, и согласование текста договора. Поручение осложнялось тем, что здание не было отделано и представляло собой бетонную коробку. Этажи не были разделены перегородками, не имели окон и дверей. Поскольку в договоре нужно было указать реальную, а не проектную площадь объекта аренды, которая пока не была нигде зафиксирована, Лере предстояло... ехать и мерить стены рулеткой! Впрочем, такая задача её не удивила. Это только в фильмах адвокаты сидят в красивых кабинетах, когда не выступают в судах. В реальности волка ноги кормят, и какие только «поручения» не приходится выполнять адвокатам самостоятельно, без помощников и курьеров!

Впрочем, у Леры был помощник: измерить стены вызвался Роберт. В назначенный день они приехали на *объект* и увидели неубранный мусор, стоящую в колее воду и прочие прелести стройки. Лера поддёрнула штанины костюмных брюк и, стараясь не наступить в жижу, двинулась вперед, балансируя на досках, перекинутых через канаву. Новенький адвокатский портфель служил ей балансом, словно канатоходцу, выполнявшему сложный трюк. Роберт, одетый в рабочую одежду и старые кроссовки, прошёл вперёд, чтобы подать руку жене. Навстречу им вышел представитель собственника Всеволод и показал нужный этаж. Роберт всё ловко промерил, продиктовал результаты Лере, и они собрались уходить. Всеволод, прощаясь, дал визит-

ную карточку Лере, и, чуть замешкавшись, стоит ли? – Роберту. Пока Лера искала в портфеле визитку, Роберт протянул Всеволоду свою. Тот мельком и безо всякого интереса глянул на неё, и глаза у него округлились. Оказывается, он уже несколько недель безуспешно пытался дозвониться до коллег Роберта, чтобы предложить им помещение под офис.

– Так вы – из «Стрима»?! И вы тут стены меряете для (назвал фамилию Лериного доверителя)?! – Файлы в его голове явно не сходились. Прислать инженера мерить стены на стройке! – А я у меня дело важное к вашему Чистову. Так секретарь не соединяет! И тут вы – собственной персоной!

Андрей Борисович Чистов был генеральным директором компании «Стрим», в которой работал Роберт. Всеволод с Робертом ещё немного постояли, обсуждая, кому, кроме Чистова, лучше позвонить по «делу» Всеволода. Лера в душе веселилась, вспоминая анекдот: «Я не знаю, кто это был, но шофёр у него – Ельцин!» Она весело подумала, что полученный ею гонорар маловат для такого сервиса. Попрощавшись, Лера с Робертом двинулись к машине:

– Спасибо, дорогой!

– Не за что, дорогая! «Хочу быть владычицей морскою, и чтобы золотая рыбка была у меня на посылках!»

* * *

Частенько бывало, что Лере нужно было проговорить, *прооппонировать* с кем-нибудь свою правовую позицию по делу, чтобы выявить слабые места и нестыковки. Конечно, для этой задачи лучше всего подходили коллеги. В бюро было принято обращаться за советом к руководителям и к сослуживцам во время *митингов*⁵, пришедшим на смену планёркам. Но всё равно время от времени возникала потребность во взгляде на ситуацию со стороны. С ролью незаинтересованного, не обременённого стереотипами и профессиональными знаниями оппонента лучше всего справлялся Роберт. Когда Лера приходила домой, бросала в кресло портфель, скидывала туфли и опускалась на диван, Роберт неизменно спрашивал:

– Ну что, сегодня тебе есть что рассказать? Я угадал? Новое дело или всё то же?

– Новое! Встречаемся на кухне после того, как уложим девочек, годится?

Роберт с уважением относился к новой работе жены и ко всем ограничениям, продиктованным адвокатской тайной и профессиональной этикой. Во время дискуссий он просил не называть ни имён, ни названий, ни каких-либо других деталей, включая название суда, где слушается дело. Только суть. Каждый раз Роберт напоминал Лере о притче про пастора и градоначальника, и каждый раз Лера просила рассказать её заново. Ей нравилось смотреть на мужа в этот момент, видеть хитрый блеск в его любимых глазах и слушать, как в голосе вибрирует энергия:

– Так вот, дорогая моя жена, – размеренно начинал Роберт. – Хоть уже пора бы и запомнить, но я расскажу тебе снова, как давным-давно в одном небольшом городке отмечали двадцать лет со дня открытия городской церкви. пышное празднование омрачало лишь опоздание градоначальника, который задерживался из-за важных дел.

Небольшая пауза. Роберт обычно чуть приосанивался, придавая лицу выражение радостного смирения.

– Церемония началась с речи пастора, настоятеля церкви: «Братья и сёстры! Я хорошо помню тот день, ровно двадцать лет назад, когда наша городская церковь открыла свои двери всем страждущим. Помню я и первого прихожанина, которого я исповедовал в этой церкви. Он был лихим человеком, разбойником, натворившим много бед. Я отпустил ему грехи. И мне

---

⁵ Meeting (англ.) – встреча, заседание; здесь – совешание.

радостно от того, что тот первый прихожанин раскаялся и стал добропорядочным горожанином, уважаемым человеком!» Все зааплодировали пастору.

Еще пауза, словно овации были не пастору, а самому рассказчику. Глубокий вдох – и стремительное движение к кульминации.

– После его выступления прибежал запыхавшийся градоначальник, взошёл на трибуну и начал свою речь: «Уважаемые горожане! Поздравляю вас с праздником! Двадцать лет назад в этот самый день я был первым, кто исповедовался в этой церкви!»

При этих словах Роберт вскакивал с места, картинно кланялся, а Лера смеялась и аплодировала.

* * *

Вторым пазлом неясного пока будущего стала учёба Леры на вечерних курсах английского языка. В Москве середины нулевых знание иностранного языка (или даже не одного) перестало определять образовательный уровень человека, а стало отражением его социального положения. Ушли в прошлое анекдоты про новых русских, которые сидят в уборной и обсуждают, что они сейчас заняты умственным трудом, а не физическим, иначе они бы кого-нибудь наняли. Среди представителей среднего класса стало модно – да что там, обязательно! – иметь несколько образований: в своей предметной сфере, в финансах, в маркетинге, в юриспруденции. Это позволяло разбираться во всех вопросах бизнеса самостоятельно и эффективно ставить задачи, со знанием дела делегировать работу наёмным специалистам и реально контролировать, а не слепо им доверять. Этого невозможно было достичь без знания английского языка, который в эпоху развития Интернета стал незаменим. Невозможно оставаться экспертом ни в какой области, если не следить за достижениями, открытиями, тенденциями индустрии во всём мире.

Отзываясь на лавинообразный спрос, в Москве открылось множество курсов и школ, обучающих иностранным языкам. Можно было придирчиво выбирать, учитывая рекомендации учеников, удобство расположения, наличие преподавателей – носителей языка, а также специализацию школы. Лера остановила выбор на курсах, ориентированных на снятие коммуникативных барьеров: ей нужно было именно разговаривать. Отлично справляясь с документами, в разговоре с людьми Лера бэкала и мэкала, мучительно подбирая слова. Она считала, что разговорный английский нужен ей для общения с людьми во время поездок за границу и иногда – для работы.

На курсах практиковалось такое упражнение: надо было выйти к доске и начать свободно говорить на заданную тему без пауз и остановок, пока тебя не прервут. Все ошибки, если таковые случались, разбирались в конце урока. Критика была под запретом. В один из вечеров Лера получила задание рассказать о своём районе: о транспорте, о парках, о том, что называют инфраструктурой, о том, нравится ли там жить или нет. Называть район было не нужно, упражнение заключалось именно в способности говорить на заданную тему. Лера отгаторила про своё Измайлово: два парка, разнообразный транспорт, все магазины рядом, старый район с развитой инфраструктурой, всё удобно и прекрасно. После Валерии выступала другая ученица и рассказывала про свой район: индустриальная зона, воздух загрязнённый, транспорт почти не ходит, ну и всё в таком духе...

Закончились занятия. Учащиеся группкой спускались по Дмитровке до ближайшей станции метро. Для поддержания разговора Лера поинтересовалась у соученицы, что же за район она описала. «Измайлово» – был ответ. Воистину, каждый из нас живёт в своей персональной Вселенной...

* * *

В начале две тысячи четвёртого года в компанию «Стрим», где работал Роберт, приехала группа американских консультантов по бизнесу, нанятых главным офисом. Поговаривали, что один день работы этих консультантов обходится компании во столько же, во сколько обходится месяц работы всего московского офиса. Целыми днями американцы работали в конторе, беседовали с каждым сотрудником наедине, проводили собрания отделов, уединялись для обсуждений в кабинете президента московского офиса. Экспертов кормили изысканными блюдами из ресторана; это была личная инициатива президента, по протоколу было достаточно салатов, сэндвичей и пиццы. То, что оставалось от ланча, выставляли в общую столовую: осетрина, балык, печень трески, трюфели, а для веганов – салаты с киноа и кешью. Вечерами гостям устраивали развлекательную программу и снова «накрывали поляну».

Неделю спустя эксперты уехали, и офис словно выдохнул. А зря. По результатам доклада консультантов московский офис подвергся реорганизации: два отдела объединили в один, начальник Роберта перешёл на другую должность, а во главе объединённого отдела поставили начальницу второго отдела, Нелли Самвеловну, или, как принято в международных компаниях, просто Нелли. В практическом плане это означало, что в заграничные офисы поедут в первую очередь подчинённые Нелли, а сотрудникам бывшего отдела Роберта ждать особо нечего.

Ещё одним нововведением в компании стали ежегодные *перфоманс ревью*. Каждый сотрудник заполнял многостраничную таблицу с оценкой своих результатов за год и сопоставлял их с планами. Руководители писали подробные отчёты по каждому сотруднику. В назначенный день собирались представители отдела кадров, руководители отделов и сам президент. В переговорную по очереди приглашали сотрудников, обсуждали результаты их работы и планы на следующий год. По результатам ревью одним повышали зарплаты и продвигали в должности, других отправляли на тренинги и курсы повышения квалификации. Иногда, впрочем, эти тренинги проходили за границей.

По итогам своего первого ревью Роберт получил оценки выше средних по всем показателям. Он посчитал уместным поднять вопрос о переводе: проработав в компании семь лет, Роберт был первым в очереди в Европу. Нелли пригласила Роберта обсудить этот вопрос завтра утром в её кабинете.

На следующее утро без двадцати девять Роберт пришёл в кабинет к Нелли, держа в руке кружку утреннего кофе. Начальница радостно сообщила, что через три месяца в офисе в Дурбане освобождается место, и Роберту предлагается переехать туда. Нелли трясла руку Роберта, а он пытался сообразить, Дурбан – это ж у нас вообще где? По звучанию похоже на Черногорию... или Сербию? Роберт отхлебнул кофе, пытаясь скрыть своё замешательство.

– Южная Африка! – словно прочитав мысли Роберта, выпалила Нелли, и кофе пошёл у него носом.

XI

*Расскажи мне о том, как он носит очки без диоптрий, чтобы
казаться старше <...>*

*Но когда садится обедать с друзьями и предается сплетням,
Он снимает их, становясь почти семнадцатилетним*
Вера Полозкова, «Снова не мы»

*Гудбай, Америка – о
Где я не был никогда....*
Вячеслав Бутусов, Дмитрий Умецкий, «Последнее письмо»

Алекс прилетал в Москву на две недели, сразу после майских праздников. Наверное, это самый чудесный сезон для посещения столицы: парки взрываются молоденькой клейкой зеленью, гроздьями сирени и пеной яблоневого цвета, а умытый майскими грозами город ещё не успел раскалиться от летней жары.

Собираясь на встречу, Татьяна волновалась, и поводов для переживаний у неё было предостаточно. С одной стороны, она опасалась, что реальная личность Алекса окажется мельче личности виртуальной: такое уже случалось в её жизни и раньше. С другой стороны, не хотелось обнаружить, что Алекс, который с утра до вечера руководит людьми старше него, окажется и в жизни таким же командиром, «упал-отжался, вольно»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.